

12+

АНАСТАСИЯ ЕРМОЛОВА

ВРЕМЛАНДИЯ

Анастасия Ермолова

Времландия

«Издательские решения»

Ермолова А.

Времландия / А. Ермолова — «Издательские решения»,

Во Времландии течение времени подчинено строгим законам. Но только для низших каст. Они — секундошки и минутки, выживают на скудных пайках смазки — а недовольства глушит густая пропаганда и карательные меры. Зато Вековержец Годфри Год и промасленные министры-Месяцы передвигают стрелки по своему усмотрению, в уверенности, что тиканье единиц никогда не сложится в угрожающий ритм. Это история о том, как самый тихий «тик» может стать началом конца для любого, даже вечного «Так».

© Ермолова А.

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Пролог	7
Часть I. Плоский мир	10
Глава 1. Средняя Минутия	11
Глава 2. Годфри Год	15
Глава 3. Будни минутки	20
Глава 4. Пот Полгодов	23
Глава 5. Будильник	26
Глава 6. Министр Апрельцев	30
Глава 7. Коррозийка	34
Глава 8. Бронепоезд ГодфриГ	37
Глава 9. Частичка системы	41
Глава 10. Десять кубов	44
Глава 11. Вымотанные минуты	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Времландия

Анастасия Ермолова

© Анастасия Ермолова, 2026

ISBN 978-5-0070-1051-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Во Времландии течение времени подчинено строгим законам. Но только для низших каст. Они — секундошки и минутки, выживают на скудных пайках смазки — а недовольства глушит густая пропаганда и карательные меры.

Зато Вековержец Годфри Год и промасленные министры-Месяцы передвигают стрелки по своему усмотрению, в уверенности, что тиканье единиц никогда не сложится в угрожающий ритм.

Оттого в Средней Минутии зреет тишина. Но не покорная, а звенящая. Тишина между тактами лжи, где слышен скрип изношенных механизмов и тихий стук сомнений.

Когда глаза маленьких минуток открываются на истинную цену «вечного хода» — бессмысленные смерти, нищету, ложь, — их личные, едва слышные «тики» начинают искать созвучия.

Маленькие «ходики» незначительны поодиночке, но, сплотившись, способны изменить время, способны свернуть Года.

Это история о том, как самый тихий «тик» может стать началом конца для любого, даже вечного «Так».

Дисклеймер: все описываемые события и персонажи вымышлены, любое совпадение с людьми или событиями в реальности является случайным.

Пролог

Страна Времени и тени её циферблата

Сколько нужно времени, чтобы починить сломанную шестерёнку? А две, пять, десять, сто, тысячу? Как насчёт всей системы? Найдётся ли часовщик-волшебник способный, нет, не обернуть время вспять, не ускорить, но наострить стрелки в правильном направлении? Чтобы не стало того, что есть, и пришло то, чего не было.

Сколько нужно времени?

Сколько?

Спроси у захудалой секундочки¹, и она промолчит, лишь посмотрит на вопрошателя косо, как на умалишённого. Спроси у минутки (если, конечно, догонишь) — она бросит на бегу: «*Это невозможно. Решительно невозможно!*» — и вышвырнет вопрос в небытие. У малых величин нет времени на пустые думы.

Зато решительности хоть отбавляй. У низших каст она поднимает знамёна, когда речь заходит о *госпоже Нельзя*, ведь всё, что нельзя — нельзя решительно, и прячет голову в железняное плато, стоит где-то замаячить надежде на *можно*.

А рядом с высшими бессмысленно открывать рот в сторону какой-то шестерёнки, ведь их думы — думы глобальные.

Обратимся, скажем, к Месяцу — он хлопнет в ладоши, и под симфонию намуштрованного топота, а после — стука дубинок о лаковку — возопит: «*Мелочи? Какие, к Антихрону, мелочи? На кону целая система!*». А оную, как показала история, изменить легче лёгкого.

Силою одной решительной мысли.

Да-да. Изменить. Не починить, не вылечить. Ибо сломанный ход времени и есть единственно верный ход. И чем больше изломаны стрелки, чем больше трещин на циферблате, чем больше надрыва слышно в привычном «*тик-так*», тем лучше для страны, для всех её членов.

Недаром в бородастые года верховный Год заявил: «*У Времландии свой путь!*». А дальше истина разлетелась по гражданским головам. Какой это «*свой*» так и не уточнилось, впрочем, все всё поняли. Или как будто бы поняли.

Злополучное «*Сколько?*» в пол-полтретях Времландии не имеет смысла. Ни в одной из ипостасей. Спроси у столичных часов: «*Сколько раз история делала крен и переворачивала жизни Времландовцев с ног на голову?*» — они, часы, поправят окуляры и, не задумавшись, выпалят: «*Столько раз, сколько дней существует планета Времени, а значит, сколько существует Времландия. Конечно, за исключением периода простого времени*» — часы хоть и кличут эрудитами, но их поток мыслей буквальный, без толики абстрактности.

А дальше начнётся лекция про устройство плоской планеты:

— *...плоской. Но не как блин, а как настенные часы с широкими стенками. И, к сожалению, жизнь водится на обеих её плоских сторонах.*

В течение суток планета медленно проворачивается по часовой стрелке — сначала лицевой, то есть нашей стороной, к флуоресцентному Светилу, а затем изнаночной. Так наступает смена дня и ночи. А вместе с тем проворачиваемся и мы. Однако не замечаем этого, ибо центр равновесия ходиков всегда параллелен теплотрассе, как бы та не наклонялась. Раньше механизмы кручения работали сами собой, не требуя вложений от разумных существ, — тут часы, конечно же, разведут руками и тяжело вздохнут, мол: «чем разумнее

¹ см. Хронояз на последних страницах

жизнь планеты, тем больше страдает её суть» (имея в виду, конечно же, соседей) и продолжат тараторить после секундной псевдорerefлексии:

— Но во Второй Обратной войне гнусный противник использовал кислотные бомбы против нашего оборота, а мы, в свою очередь, закислили их оборот.

Первенство умалчивается неумышленно, ибо история переписывалась столько раз, что даже учёные шестерни часов проквасились.

— Механизм кручения пострадал, и планета зависла в сумеречной зоне на шестьдесят холодных и тёмных лет. Период простояного времени окончился объединением с Плеядой — содружеством стран изнанки, и в результате оба полюса обросли сетками подмеханизмов, что толкают центральную ось, понуждая планету вращаться. С тех пор наш, лицевой, и их, изнаночный, миры связаны, и смена дня и ночи, соответственно — верха и низа, происходит лишь благодаря синхронному кручению подмеханизмов...

Вот здесь, в этой точке, вопрошателю необходимо кивнуть так, чтобы самый подозрительный час углядел всецелое согласие собеседника, иначе часы перейдут к пересказу много-томника «Душа Времландии» — книгам об истории Великой страны, с далёких времен, когда металлокосмическая пыль образовала планету и первых её жителей (бесспорно, лишь на одном обороте), и до тома, где воспеваются оды гарантированному светлому будущему.

Если всё-таки дослушаешь и задашь уместный вопрос: «Сколько? Сколько ещё ждать светлого будущего?» мимопроезжающая Неделька остановится, злобно зыркнет и начнёт причитать про дурную Плеяду, что мешает достичь небывалых величин.

А дальше начнётся: во всех бедах содружество обвинят, несогласных в стан Антихрона запишут, из столицы придут гонцы и начнётся великое смазывание пропагандой — густым, тягучим веществом, заглушающим скрип недовольства. По нефтянкам поплывут баржи с лозунгами: «Время идёт правильно!», «Наш путь — единственно верный!», «Не шестерёнки решают, а Великий Механизм!». В часовнях и минутнях зазвучат молитвы во благо Хроноса пуще прежнего. Крутителю и крутительницы начнут выкрикивать: «Благословенны смиренные шестерни! Горе тем, кто выбивается из такта!». А в больших и малых городах начнётся облава на «неправильные» часики — тех, кто осмелился тикать не в унисон.

И поверишь. Не зря же винят? Ведь умудряется дурная Плеяда понукать огромной страной исподтишка, исподвыподверта! Беды буквально торчат из-под ребра и оглушают нетактичным топотом. Ах, если бы не злая шутка природы — плоская планета. Если бы хотя бы ребро размагнитилось. Жили бы спокойно, без этого вечного искушения заглянуть на «ту» сторону.

Но кто знает? Жили бы ходики только на одном обороте, всё сложилось бы иначе?

Сложилось бы?

Или, даже так, живя на одной плоскости, население бы не придумало ничего лучше, кроме как разделить куски железных плато на отдельные государства, а вместе с тем ввести национальные языки, валюты и особенности? Даже так, деля меридианы и параллели, разумные существа жили бы без мира и без согласия?

Времландовцы окрестили бы такие измышлизмы крамолой. Ведь они — самые миролюбивые, и, что немаловажно, единые, способные принять в гавань рассеянные по плоскости народы, если бы только не коварные лапы Плеяды...

Сомневаешься? Нельзя сомневаться. Даже если хочется. Вот граждане и не сколькоают, безопасности для. Хотя пресловутое: «Доколе?!» нет-нет, да и врывается в головные шестерни, когда отдельно взятый ходик, застигнутый врасплох тишиной между тактами пропаганды, вдруг оказывается наедине с собой.

И всё-таки — откуда берётся это вечное «доколе»? Отчего даже самые смиренные порой срываются с такта? Может оттого, что где-то глубоко в механизме планеты зиждется изъян куда серьёзнее поломки — двойное дно самой реальности.

Ведь если прислушаться к скрипу подмеханизмов, можно разобрать ритм — будто кто-то стучит с оборотной стороны. Стучит и зазывает сменить «*вверх*» на «*вниз*» и «*ночь*» на «*день*». Но как бы ни хотелось, каждый ходик знает, чем это чревато.

Много лет назад случился бунт в каскаде городов-Секундий. Население шестидесяти городов объединилось, сочтя, что больше не хочет терпеть лишения, хочет свободы и равенства, хочет, чтобы кастовую систему упразднили, а в столичную Часовинию перестали отправлять богатства местных желесов и нефтянок.

Противостояние размочило границы, но Секундиям удалось отделиться, правда, ценой десяти городов. Секундочки назвали новую страну Совремирия, но так и не начали жить в мире и согласии. Ведь почти целую вечность идёт Поступательная Упреждающая Кампания по освобождению Секундий «*от гнёта Современских условностей и дурного влияния стран-Плеяды*».

Оставшийся каскад из десяти Секундий наказали, запретив им делать всё, что не разрешено, а разрешили так мало, что с тех пор они целыми днями ничего не делают. А в качестве дополнительной меры, дабы у низших каст не получилось накопить на водяные пушки, В Секундиях и каскаде трёх Минутий отменили денежные знаки — врумбики. Правда, преподнесли это как поощрение.

Декрет: «*Об обеспечении Минутий и Секундий бесплатными коммунальными услугами и заработанными выплатами, в виде масла*» так щедро обмазали пропагандой, что народ встретил его на ура.

Всё равно, когда минутки и секундочки получали заработную плату ромбовидными пластинками с лицом несменяемого Года, они тратили их на драгоценное масло, сольку, текущую из крана, и электричество, чтобы выжить. Так, в Секундиях и Минутиях из обихода исчезли врумбики, а ежели жители нуждались в чём-то, кроме масла, они, как и в старину, меняли масло на стулья, и стулья на масло.

Несмотря на безусловную веру в «свой» путь, низшие касты встречают рассветы с тревогой, не подозревая какие, но зная наверняка, что их ждут новые лишения. Бесконечная освободительная кампания прохудила государственную казну и забрала множество жизней.

Множество маленьких, ничего не значащих жизней. Ведь что такое минута на полотне Вечности?

А в столице продолжили течь реки масла и выдержаночки. Если там и заметили перемены, то отмахнулись, ведь Времландия — страна Времени, а Время, как известно, можно и потянуть...

Вопрос только: «*Сколько времени?*»...

Часть I. Плоский мир

ГОД

*Шагают по линии будней Минуты,
Они в сапоги из бетона обуты,
По кругу гоняет их прожитый Час,
Сутки спустили пониже приказ.*

*Недели недели из стали шинели:
Гремят, охраняя порядок в стране.
Им давит на плечи, их делает злее —
Вот Суткам приказ — ходить в чугуне.*

*Чугун не даёт им подняться на ноги,
Попытки всосали последние соки,
От этих мучений был отдан приказ —
В папаху из олова вырядить Час.*

*А Месяц кричит, в золотишко одетый:
«Ни ходу назад, идём только вперёд!»
Полугодие держит алмазные плети,
Но времени счёт он уже не ведёт.*

*Половина от года знает картину,
Что «новое время» нырнуло в трясицу,
Но Году — ни слова! Идёт всё по плану!
Хоть вся вертикаль на Минуты напала.*

*Год смотрит на время, его ещё много,
У циферблата запас из народа,
Часы нарожали на восемь сот лет
Минутная стрелка начинает забег...*

Глава 1. Средняя Минутия

Средняя Минутия пахла ржавчиной и прогорклым маслом. Впрочем, местные ходики давно не замечали этого. Их лаковка впитала ароматы, и каждый Средне-Минутовец носил шлейф под стать городу. Загустевший воздух растрчивал и без того скудное сопротивление, но минутки не знали ни про закон Ома², ни про закон дома.

Никакие стены не лечили от упадка сил после тяжкого рабочего дня. Только подслушивали скабрёзные речи. Наивные. Наивные стены! Будто десятки лет лишений не выкорчевали вольность мысли и не затоптали волю к свободе.

Город застрял между «надо» и «невозможно». Его улицы, словно зубцы шестерёнок, смыкались вокруг Средневековой стелы, исполненной в форме больших часов с маятником, который выстукивал ритм вечного долга.

Но всё-таки Минутия была Средней. А значит — порция страданий на душу населения была по силам каждому. Оставалось найти баланс между «почти сломан» и «ещё работаю».

Минутки из Средней заглядывались в сторону более обеспеченной Верхней, где, по слухам, воздух оставлял на лаковке крупницы масла; и морщили носы от Нижней, где металлическая стружка, приносимая с Каскада Секундий, оставляла вмятины на матовых лицах.

Нижняя Минутия зияла открытой раной. Там воздух пропитался копотью от утилизационных труб, а дома, слепленные из жестяных обрезков, дрожали под рёвом ночных патрулей. Говаривали, в Нижней минутки рождались уже со сломанными пружинками в суставах, будто сама жизнь здесь была браком.

А дальше, в Секундиях, время и вовсе текло боком. Там не было школ, только «цеха адаптации», где детей учили выжимать масло из насыпи, укрываться обрезками от водяных обстрелов и сдерживать слёзы, чтобы бороздки не проржавели. Секундочки, покрытые слоем вечной ржавчины, напоминали теней — их существование отрицали, их смерть не фиксировали.

«Секундии — это дыра в циферблате, — шептали смелые граждане. — Туда проваливается всё, что Времландия хочет забыть».

Заглядывать дальше ходики не умели и не могли. Ведь Минутные и Секундные каскады отрезала от большой насыпи сеть непроходимых желесов с обеих сторон. И только стрела железной дороги открывала вид на бескрайние просторы Родины. Но низшим кастам не разрешали прокатиться с ветерком. Впрочем, не разрешали даже ходить по шпалам. Приказ блокпостам: *«Размочить на месте!»* никого не пугал, но осуждающие взгляды сограждан...

Дети в Средней рождались нечасто. Мало кто отваживался на появление нового тела, с которым приходилось делить и без того дефицитное масло.

Конечно, Времландия помогала обездоленным выплатами, но ежели хватало на смазывание центрального механизма, в глазах социальной службы ты выглядел зажиточным. И плевать, что пальцы и колени совершенно не гнулись. Такой разрядки не было.

Пока не было.

На верхушках уже закрутились шестерни, как уплотнить застройку путём снижения потолочных сводов. Так что спины первые в очереди, а там и до коленей недалеко.

Из-за упрямого нежелания продолжать род в Нижней и Средней Минутиях, а также во всех Секундиях начался демографический кризис, и чтобы его преодолеть, а улицы городов заполонились новой рабочей силой, правительство ввело закон о демографии. Его суть проста: сколько убыло, столько прибыло.

² Сопротивление прямо пропорционально напряжению и обратно пропорционально силе

Девять лет назад родителям Фредди не повезло. В их почтовый ящик опустили зловещее послание. И вот уже восемь лет кряду родители маленькой минутки постоянно матовые, ведь всё лучшее — детям, а того масла, что оставалось после смазывания маленького тельца, едва хватало, чтобы достичь маломальского блеска.

В Средней Минутки даже дети понимали: они здесь не потому, что их ждали. Фредди знал это с тех пор, как научился читать. Его родители показывали ту самую повестку — жёлтый листок с печатью в виде сжатого кулака. *«Во исполнение Декрета №60-С: зачатие обязано состояться в течение цикла»*. Цикл приравнивался к кварталу, то есть к четырём месяцам. Старые чернила на повестке выцвели, но цифры въелись в бумагу как клеймо.

— *Нас выбрали, как бракованную гайку*, — повторяла мать и тяжело вздыхала. — *Но ты, Фред, ты вышел крепким.*

«Крепким». В Средней Минутки это значило: не развалился в первые три года.

Фредди был одним из «счастливчиков» — его центральный механизм не заклинило, как у соседского мальчика, а головные шестерёнки добротнo мотали круги.

Город жил под гул вечного двигателя — механизма, что толкали разновозрастные минутки, изнашивая запчасти. На торцах скособоченных домов висели выцветшие плакаты: *«Родить — значит победить!»*, *«Два ребёнка — минимум патриота!»*, *«Жизнь — лучший подарок Родине!»*, *«Родить — значит вложить винтик в механизм Вечности»*. Но реальность была иной. Улицы кишели «декретными» детьми с впалыми щеками и тусклой лаковой, чьё будущее — рабочий комбинезон, механизм и лишения, пока не рассыплешься. Все они — лишь цифры в отчётах, строки в таблице «Трудовые резервы».

Но Фредди мало волновало будущее, он жил днём сегодняшним. Собственно, как и все минутки вокруг, ведь каждый день — испытание, и долгосрочные цели упирались в: *«дойти бы до следующего»*.

Мальчик попросился с периодом беззаботности, едва вдохнув воздух Средней. Ведь уже тогда сморщенного карапуза, заливающегося рёвом, было нечем утешить, кроме материнского: *«Всё пройдёт»*.

Не проходило.

К сожалению, в отличие от простых минуток, мальчик успел вкусить жизни из-за элитарного деда, проживающего в Верхней Минутки. Тот обмазывал внука пахучими маслами с переливающимися блестинками, несмотря на указания родителей поддерживать функционирование строго той порцией, которую они собирали сыну в тормозок на выходные.

Дедушка для Фредди был образцом. Он отличался умом, сообразительностью, красноречием, и его механизмы всегда блестели от ароматизированных масел. В отличие от всех знакомых минуток, дедушка мог позволить себе капельку праздности, что в глазах Фредди выглядело делом недостижимой роскошью.

Но, несмотря на элитарного деда, родители мальчику достались самые обыкновенные, такие же средние, как и название города. Они, как и большинство жителей Средней, работали, крутя вечно движущийся механизм, и уже зарезервировали местечко для Фредди, куда он отправится работать, едва окончит школу. Ему предназначалось место в верхней трети четвёртой шестерёнки.

Дедушка пытался помочь дочери, ведь у него было чем, но мать Фредди, будучи гордой минуткой, подачек не принимала.

А мальчику пары блестинок за жизнь хватило, чтобы к тяготам не подключилось смирение. Он отличался.

Но только в этом.

Как и у любой порядочной минутки, общественная жизнь Фредди началась с поступления в общеобразовательную школу Времени, потому дни его были заполнены учёбой, на треть с дружескими посиделками и выживанием.

Школа, собственно, только этому и учила. Всему понемногу и ничему помногу. Считать минутки умели в пределах шестидесяти, ведь знание больших цифр минуткам ни к чему. Хотя встречались и такие граждане, кто умел считать аж до трёхсот шестидесяти пяти. Правда, на жизненном пути Фредди встретился только один такой гражданин — дедушка. Он находился на вершине иерархии минут, и выше было прыгать совершенно некуда. Разве что из касты. Но тогда разверзнется небо, расколется железняное плато, Светило начнёт огибать Планетный Циферблат, а не он Светило, и часы пойдут вспять.

Именно так в глазах ходиков выглядело невозможное.

Потому всё в Средней Минутии держалось ближе к насыпи. Даже математика.

Покончив с цифрами, она переходила к задачам: «Если у тебя три лишних капли масла, а у соседа пять, сколько нужно отдать государству?» (Ответ: все, иначе твои шестерёнки размочат и утилизируют); «Сколько шагов могут выдержать несмазанные колени?» (Ответ: столько, сколько нужно Родине); «Какой угол наклона спины допустим на торжественных мероприятиях?» (Ответ: нулевой, отклонение расценивается как акт неповиновения).

Математика не просто давала знания, а отливала сознания по общественному лекалу. И весь учебный план работал на ту же цель — создать исправную деталь гражданского механизма.

Значится, чуть-чуть математики, чуть-чуть чтения, чтобы уметь читать правила внутреннего распорядка и многочисленные указы сверху, немного письма, дабы минутки могли накарябать имя и заполнить карточки выработанной нормы на будущей работе и капелька окружающего мира. Последний предмет включал все известные ходикам науки. Тут была и физика с простейшими законами вроде: «чтобы работа спорилась, нужно приложить усилия». Была и мехалогия, где детишкам рассказывали, какие части внутреннего механизма нужно смазывать в первую очередь, а какими можно пренебречь, ведь мало у каких минуток хватало довольствия. Была и география, где изучались труппы секунд и неизведанные мегаполисы необъятной Времландии, названия солидолов и солярок, стран и их столиц, перечень врагов и союзников. Но больше всего времени занимали часы истории, чтобы юные граждане могли перенять чувство величия Родины.

Основу школьного обучения составляли «Уроки лояльности», где детей учили быть гражданами. Неуклонно следовать закону, добросовестно выполнять обязанности и правильным текстом восхвалять разрешённых правителей: ныне царствующих и покоившихся на страницах истории.

Дети-минутки из Средней учились пять лет (программа различалась как среди каст, так и среди Минутий). Фредди был старшекласником, он обучался в четвёртом.

Школа встречала учеников выцветшим лозунгом: «Каждая минутка — винтик в часах Времландии!». Фредди давно перестал читать эти буквы — он вычислил, сколько шагов от ворот до класса: ровно шестьдесят, как и положено существу его касты. Четвёртый «Г» был его вселенной: двадцать шесть минуток, двадцать шесть способов выжить.

Двадцать шесть. Одно это число делало 4 «Г» особенным, ведь по демографическому плану должно было быть двадцать четыре, но семейству Тринадцатых не повезло. На их судьбу свалилось три «декретных» карапуза разом, три мальчишки с созвучными именами: Макс, Марк и Марс, и жили они не лучше, чем секунды в своих труппах. Центробольные соседи помогали Тринадцатым, как могли, а могли мало. У облезлой двери их каморки круглосуточно стояла медная ёмкость, куда прохожие сцезивали капельки драгоценного масла, но этих крох всё равно не хватало, чтобы как следует вымазать три растущих организма.

Около недели назад на их семью обрушилось новое проклятье: отец семейства заболел коррозийкой и окончательно слёг, дабы не растрчивать жизненные силы. На лекарства масляных выплат не хватало, ведь в семье из пяти ходиков работала только мать, принося мизер, который едва покрывал центральные запчасти...

Но вернёмся же к классу. Двадцать шесть шептанных минуток — половина девчонок, половина мальчишек, привыкших жить в лишениях и отливать матовыми конечностями. Кажется, они все должны походить друг на друга, пусть не внешне, но характерами и способностями, но не тут-то было. Была в классе и банда задир, и аутсайдеры, и бесцветные середняки, к коим и относился Фредди. Были те, кто схватывал на лету, и те, кому часами приходилось разжёвывать непонятный материал.

Фредди на тех или иных предметах примыкал к разным лагерям. Благодаря дедушке считать мальчик умел уже к трём годам, и не до каких-то там шестидесяти, а аж до ста, и даже мог посчитать наоборот — от ста к единице. А вот прочие предметы, в особенности письмо, ему не давались, сказывался недостаток смазки на пальцах, и получалось выводить одни каракули.

В коллективе у Фредди ладилось на отлично. Он легко заводил новые знакомства, не пренебрегал, как другие мальчишки, общением с девчонками, умел отстоять себя у задир и не гнушался аутсайдерами. Но лучших друзей у него было четверо: Лия Четвертинкова, Джек Минуттик, Кира Половинкина и Марк Тринадцатый, один из печально известных тройняшек. Банда этих пятерых ребят не отличалась покорностью: они любили перешёптываться, не обращая внимания на замечания сэра Стрелкина, их учителя; перекидываться записульками; и заливи-сто смеяться на всю аудиторию над какой-то ерундой.

В общем, несмотря на скудную жизнь без особенностей и излишек, Фредди был счастлив в Средней Минутти. У него было всё: любящие родители, балующий дедушка и прекрасные друзья. Масла бы побольше, но выйдет на работу, и этого прибавится.

Жизнь Фредди была известна и предначертана, осталось только доучиться и дорасти до верхней трети четвёртой шестерёнки.

Глава 2. Годфри Год

До двенадцати часов дня Часовиния пахла стерильностью. Бриллиантовую плитку в ночи полировали прошедшие сутки, да так, что к полудню излишки ликвидировались, открывая вид на вылизанную системность. Казалось, даже воздух застывал, давая выпасться жителям здания под Часовой Звездой.

Но стоило стрелке коснуться деления и издать первый звон, домовые глазницы распахивались, блэк-аут шторы открывались, и тут и там появлялись взлохмаченные седые макушки. Начиналась жизнь.

Ленивая. Нерасторопная.

Годфри поднимался с постели неизменно в двенадцать нуль восемь. Ибо не гоже вельможе принимать вертикаль раньше. Опускал ноги в мягкие тапки и сладко потягивался без малого восемь секунд. После чего кивал каждому из восьми собственных портретов и, наконец, вставал. Вставал, дабы приступить к государственным делам первостепенной важности.

В первую очередь он осматривал обширные владения. Всё шло как по маслу: часовой механизм двигался минута за минутой, час за часом, сутки за сутками.

Изо дня в день окно показывало неизменную картинку: пустынная Часовая площадь, искрящаяся бриллиантка и перспектива из одинаковых крыш. Стабильность — именно то, что будоражило внутренности Годфри, словно разливая выдержаночку по выделительным каналам. В его распоряжении было неограниченное количество времени и каждый прожитый час мог выдвинуть Времландию на новый, не виданный доселе уровень. Стоило только захотеть.

— Но зачем менять то, что и так работает? — спросил Годфри вслух, обращаясь к невидимым гражданам. Дождался воображаемого кивка и хмыкнул.

В дверь постучали.

— Понедельный? Входи!

В спальню закатился увесистый шар, чьи ягодичные округлости уравнивали выпирающий живот. Его кустистые брови нависали над пуговками глаз так, что казалось, он видит мир одними бровями.

— Разрешите доложить, — воскликнул Понедельный и растянулся по струнке.

— Докладывайте, — бросил Годфри и уселся за туалетный столик.

— Сегодня на два часа дня запланирована встреча Кабинета министров Времландии, где те будут давать отчёт о неумолимом течении времени.

«Только вперёд! Ни ходу назад!» — таков был девиз Времландии, которому следовали все механизмы и шестерёнки царства времени. Годфри считал себя неплохим Вековержцем, во всяком случае, министры всегда говорили о его великолепии, а раз нижние чины считали его непревзойдённым, значит, так оно и было.

Всё-таки Вековержец должен служить народу, а министры являются прямым отражением воли народных масс.

— Только с ними, — спросил Годфри и провёл по животу, открутив ладонью мнимый час, — народа и журналюг не предвидится? А то мне бы подслиться.

— Там, — Понедельный указал вниз, — справятся, — и усмехнулся. — Ваше Сиятельство, сегодня можно обойтись без унизительных процедур и предстать во всём великолепии.

Понедельный встал за спину Годфри, запустил пальцы в баночку «Искрящегося соблазна» и мазнул и без того блестящую лысину, обрамлённую провололочными лохмами.

— Слава Хроносу. Тогда организуй завтрак попышнее, а то давеча Апрельцев вдвое превысил мои габариты, — тон сквозил негодованием. — Кажется, на завтрак он проглатывает пару-тройку откормленных железнобрюхов.

Раздался скрип, Понедельный обернулся, кивнул прошедшим суткам и просиял.

— Исполнено в лучших традициях: запечённый ветворог фаршированный большими прыгунами, филе времлядя под лантановым³ соусом, плошка аллюмяжьей икры и пирог из титаники на десерт. Извольте чего-то ещё?

— Свяжитесь с Полгодовым, где его Хронофаги носят?

Понедельный открыл увесистую книжку в мягком переплёте где-то посередине и провёл пальцем по странице, оставив масляную полосу.

— Полгодков сегодня навещает Годрика в Исправительной колонии Времландии, будет в резиденции после пяти. Отменить посещение?

— Нет. Ступайте.

Два часа Годфри предавался промасливанию. Закидывал аппетитные куски в рот, пережёвывал, сглатывал. Пища перетекала в переварительную трубку, где размельчительные свёрла превращали её в масляную кашу. После чего переварительная спираль перемалывала всё в кисель. Тот падал в желудок, распространяя масляные пары вначале на лаковку Вековержца, а потом под оную, формируя масляную прослойку и раздувая Годфри всё больше и больше.

Вскоре спальня показалась неприлично маленькой. Правитель отложил недоеденный кусок пирога, и часы отбили два раза.

«Как раз вовремя» — подумал Годфри, поднялся, пару раз крякнув от напряжения, и лениво прошагал в конференц-зал.

В зале стоял вытянутый десятиметровый стол, с одного края которого расположился трон, а с другого стояли двенадцать стульев министров. Такая расстановка помогала Годфри утвердиться в глазах подчинённых. Ведь министры превращались в слух, сидя в безмолвии, чтобы уловить каждое слово и каждый вздох начальника, а им самим, дабы что-то сказать, приходилось кричать с другого конца зала, что приводило к существенной экономии слов. А экономия слов означала экономию времени, что, безусловно, практично, ведь пусть время и бесконечно, жизнь Годфри не вечна.

Хотя с таким количеством разнообразных масел, поддерживающих функционирование и с избытком лечащего сна он мог властвовать ещё несколько десятилетий, вдобавок к предшествующей бесконечности.

Да, по документу Времяустройства — основному закону Времландии — пост Вековержца (ранее высший пост носил унижительное название Временитель) можно было занимать не более четырёх лет кряду, но кого это волновало? Бумажками в этой стране можно было только подтирать излишки масла, ведь воля народа куда важнее загогулин на страницах, а народ неизменно выбирал Годфри. Вот уже восемьдесят восемь раз.

— Все министры прибыли! Пригласить их? — отчеканил подоспевший Понедельный.

— Зовите, — ответил Годфри и поерзал на троне.

Он так перемаслился, что бока нависали над подлокотниками.

Спустя несколько секунд в зал ввалились министры, что напоминали испорченные шестерни — слишком круглые, чтобы цепляться за реальность. Вроде похожие, но каждый из двенадцати старцев сиял на свой лад. Они расселись на приготовленных стульях и достали разноцветные папочки, уткнув глаза в пол и стараясь слиться с окружающим пространством.

— Январцев, доложи обстановку!

Министр Январцев отвечал за внутренний порядок в стране. Ему были вверены отряды ловцов упрямого хода, что сгоняли на правительственные мероприятия для охраны и на неправительственные для разгона и задержаний времяотступников. А также отряды Синхронистов, которые занимались тем же, наряду с поддержанием уличного такта и обеспечением парадной синхронности.

³ Лантан (La) — серебристо-белый металл, относящийся к группе лантаноидов. Относится к редкоземельным элементам

А времяотступники — это вам не какие-то обыкновенные правонарушители — они не грабили, не убивали, не совершали разбойных нападений. Они делали кое-что похуже: отвергали истинный ход и сомневались в решениях Вековержца и Кабинета Министров.

Розовощёкий переливистый шар с платиновыми кудряшками, напоминающими множество свинечьячих⁴ хвостов, поднялся с места.

— Время идёт, как подобает. Во Времландии нет никаких проблем, которые достойны достичь уха Вашего Превосходительства! — вздёрнув подбородок выше собственной макушки, отрапортовал Январцев. — Мои Синхронисты ежедневно калибруют уличный такт, а ОЛУХи задерживают расточителей времени. Пойманные времяотступники содержатся под стражей в благоприятных для калибровки условиях. Могу предоставить отчёт о снижении временных растрат и обобщённые данные вредителей хода, — Январцев достал сморщенные бумажки из папки.

— Передай Понедельному, он сведёт дебет с кредитом, так сказать-с, — прошипел Годфри.

Понедельный выхватил бумаги, и Январцев пожал плечами.

— А что с поставками «Искрящегося Соблазна»? — спросил Годфри и ойкнул, подлокотник прищемил лаковку. Он вырвался и, пытая от напряжения, пробормотал: — Июньцев, какие прогнозы?

Шар с бирюзовыми кончиками усов отвечал за товарооборот Времландии с другими странами. Он налился краской и неуклюже поднялся, уронив стул, который тут же поднял взявшийся из неоткуда Понедельный.

— Поставок не ожидается. Страны Плеяды ввели запрет на экспорт титановых шестерёнок, антикоррозийного покрытия и искрящихся смазок. Но запасов хватит Вашему Превосходительству до конца жизни. Правда, Минутии и Секундии пришлось несколько ограничить для оптимизации маслосток, — его рот, похожий на воронку шумно втянул воздух. — Я уже отдал приказ научному центру Часовинии на разработку отечественных замен, на это потребуется не более полугода. Доклад окончен! — Июньцев сел и вжался в стул.

— Нет уж, — Годфри стукнул кулаком по столу, заставив всех в страхе взглянуть на Вековержца, — поторопите их. Чтобы через месяц были предоставлены образцы смазок. С шестерёнками и анти-кором можете повременить!

— Так точно! — Июньцев вновь подскочил и затрясся, ожидая новую порцию гнева.

— Присаживайтесь, Июньцев, я злюсь не на вас, а на страны Плеяды, но ежели через месяц не увижу новейших разработок, разговаривать буду уже по-другому! — Годфри сверкнул взглядом в сторону Июньцева и перешёл к следующему министру. — Так, Сентябрьский, каковы результаты демографического роста?

Жемчужный шар с носом картошкой и оттопыренными ушами, которому были вверены вопросы прибыли и убыли населения, икнул от неожиданности.

— Принудительное деторождение привело к необычайному росту! Производительность минут повысилась на тридцать процентов, — зачитал Сентябрьский с листа. — Следующий шаг демографической кампании сделать лозунг: «Два ребёнка — минимум патриота» не просто словами. Мы планируем расширить перечень семей, получающих повестки, на тех, кто уже единоразово исполнил долг.

— Хорошая инициатива, одобряю. Но ты говоришь, производительность повысилась, — протянул Годфри, — а объёмы предоставляемой смазки остались теми же?

— Так точно!

⁴ Свинец (Pb) — тяжёлый металл серебристо-серого цвета с синеватым отливом

— Непоря-я-ядок, — Годфри покачал головой. — Наша экономика просела. Вы готовы поднимать казну из собственного кармана? Готовы отказаться от автопарка или, может, от своих особняков?

— Ни-ни-никак нет! Но если этого хочет ваше Превосходительство, то...

— Так сократите им плату на тридцать процентов! Немедленно! — не выдержал мямлящего министра Годфри.

— Будет сделано! — ответил Сентябрьский, трясась, как хроминковый листик.

— Отлично. И последнее... Апрельцев, в прошлый раз я дал вам указание обновить сведения об общественном мнении. Не поделитесь результатом?

Золотистый шар, обвешанный перстнями, с чрезмерно длинным и острым подбородком, отчего лицо походило на мяч для игры в регби, начал говорить вальяжно, не поднимаясь с места. Его лик напоминал циферблат — гладкий, с бесстрастными глазами-стрелками, всегда указывающими на «правильное» время.

— Одобрение Вашего Превосходительства возросло на два процента. Идеи национализации товаров и присоединения земель тепло приветствуются народом. Есть некоторые недозволения среди секунд, касаемо сокращения выдаваемой смазки, но они не существенны. Время продолжает идти благодаря Вам и народ Вас всецело поддерживает.

— Вот, Апрельцев, всегда вы меня радуете, — Годфри расплылся в улыбке. — Можем заканчивать или у кого-то остались вопросы первостепенной важности?

Повисла тишина, которую нарушал лишь постоянно облизывающийся и потирающий руки щуплый и матовый министр, непонятно как очутившийся на празднике сверкающих шаров.

— Июльцев, у вас всё в порядке? Или вы недоедаете, — спросил Апрельцев отеческим тоном.

— Всё. Д-да. Да, но не всё. И как бы. Ну, это. Если позволите, я. Переполнено. Всю ночь. Так получилось. И не представляю, — он развёл руками. — Оно вытечет. И чуть-чуть бы. Сливают все. Ополовинили! Общее. Десять штук. Месяц. И столица-то. Понимаете? — пролепетал Июльцев и поблел.

— Перевозу на ходиковский, — из-за спины Июльцева вырос Понедельный, — сливные хранилища переполнены. Ещё немного и улицы Часовинии покроются слоем переработанного масла. Июльцев предлагает сократить потребление вдвое на месяц, пока не отстроят десять новых резервуаров, — окончив пояснения, Понедельный испарился.

— Категорическое нет! — возопил Январцев и подскочил. — У меня отсутствует резерв, чтобы расчищать улицы столицы. Пока жители промаслены нам ничего не грозит, но если...

— И что вы предлагаете? — перебил Годфри.

Январцев покачал головой.

— Отдайте излишки мне, — вклинился Апрельцев, — у меня остались старые ангары, отлично подходят для хранения. Но только безвозмездно, мои железнобрюхи излишне прожорливы, — он навалился на стол и протянул руку. — Транспортировка с вас, с меня помещения, по рукам?

— По. Ра...

Годфри прервал спотыкную речь министра:

— Вот и договорились. Детали обсудите тет-а-тет. Понедельный, доложите о планах на оставшуюся неделю!

Непонятно каким образом, но Понедельный всегда материализовывался по первому зову. Он был невидим и незаменим.

— Докладываю! В эту пятницу Вы посещаете Верхнюю Минутию. В воскресенье Вас ждут на открытии памятника имени себя, здесь, в Часовинии, ну и в понедельник нужно будет записать обращение к народу! Помимо этого, есть ещё перечень из сорока восьми обяза-

тельных дел. Но я уверен, вы все выполните, — помощник заговорщически подмигнул, — До следующего собрания дел больше не планируется! — Понедельный захлопнул ежедневник.

— Столько дел, столько дел! Тяжела моя доля! Ох, — Годфри круговыми движениями помассировал виски. — Тогда к следующему собранию, с вас, Февральцев, отчёт по ситуации на Совремирии, с вас, Ноябрь, отчёт о перспективах развития новых междуребёрных отношений, ну и, Мартовцев, отчёт по экономике за квартал. На сегодня все свободны!

Одиннадцать круглых шаров и один тощий министр гурьбой выплонулись из зала и направились по важным государственным делам, а Годфри развалился на мягком троне и начал почёсывать воображаемую бороду, размышляя о Времяустройстве:

«Значит секунды недовольны. Сказали бы спасибо за то, что вообще эту смазку получают, ведь бесполезные создания! Никак на течение времени не влияют, а смеют что-то требовать, надо бы прижать их крепче! Так. Это надо записать!».

— Понедельный! — крикнул Годфри в пустоту, и у трона тут же оказался искомый объект.

— Слушаю!

— Запиши: дать указание Январцеву, чтобы провёл профилактическую порку десяти Секундий. Пусть отдадут по десять процентов заработной платы на нужды, скажем, армии... — Годфри хихикнул. — А кто откажется, в колонию на пятнадцать суток! Запись закончена. Да... Вековержец должен быть хорошим воспитателем. А этому народцу только маслица и подавай, пусть и кнута попробуют, верно же, Понедельный?

— Так точно! Ваше Превосходительство, я не перестаю восхищаться Вашей изобретательностью! Вы гений, право слово, гений! — Понедельный сложил ладони перед собой в молящем жесте. — Что этим секундам вообще надо? Вконец охамели! Им и бесплатную коммунальную плату ввели, и масло задарма выдают...

— Ой, ну всё, вольно, разобрались, — Годфри махнул рукой, — Как твоя Половинка поживает, как дети?

— Дети отлично! А жена вот запросила новый электрокар и не разговаривает, пока я ей его не предоставлю. А я что, врумбики из воздуха беру? Ох уж эти женщины, — Понедельный развёл руками.

— Ладно уж, услужил ты мне, — сказал Годфри и постучал пальцами по столу, — возьми из отложенного на строительство моста между Минутиями и доложи Июльцеву, что с моего дозволения. Он уж найдёт, на чём можно сэкономить. Негоже с женой отношения портить, порадуй Половинку, — Годфри расплылся в улыбке, а Понедельный сжал его ладонь в благодарности изо всех сил.

На сегодняшний день с добрыми делами для народа было покончено. Можно было пожить и для себя.

Глава 3. Будни минутки

День в Средней Минутии не задался с самого утра. Плохие вести о сокращении масляных выплат пронесли по городу, как ураган, оставив после себя кислые мины минуток и разбитую посуду для сбора масел. Слухи об этом исходе ходили давно, ведь не далее, чем месяц назад выплаты сократили для каскада Секундий, и минутки знали, что скоро настанет и их черёд.

Недаром Вековержец перед наступлением Нового года говорил про чрезвычайно непростой год и о том, что весь народ Времландии должен чем-то пожертвовать, чтобы не случилось самого страшного. Чего «самого страшного» не сообщалось, но этого «самого страшного» все боялись, потому после омрачающих утро вестей, минутки были расстроены, но понимали: так надо.

Фредди проснулся с первыми нотами гимна Времландии, доносившегося из громкогоговорителей города:

*Во Времландии каждый —
Частичка системы,
Работаем дружно
Питая часы!
Мы двигаем стрелки,
Мы двигаем время
На благо державы,
Великой страны!*

*Двигай Времландия!
Только вперёд иди!
С этим течением мы впереди!
Каждый день новое
Каждый день разное
Меняется время, работаем мы!*

Мальчик поднялся с кушетки, стоящей в нише небольшого помещения, где также спали родители; располагалась кушетка для ежедневного смазывания запчастей; душевой поддон; раковина для мытья и стирки; и небольшой телевизор с диванчиком, на котором семья проводила вечера, смотря «Времского Глашатая⁵» — ежевечернюю сводку новостей.

Родители Фредди хоть и были бедны, но озаботились комфортом сына и невесть где раздобыли кусок листового металла, который служил перегородкой и создавал ощущение личного пространства. У Фредди была практически своя комната с кроватью и двумя табуретами, один из которых отец приколотил к стене, чтобы мальчик делал уроки на полноценном рабочем месте.

В комнатухе имелись даже игрушки, что для других детей-минуток было чем-то неизвестным. Дедушка Фредди подарил ему маленькую копию простенького электрокара, а мама где-то раздобыла курчавого времлядя, без которого мальчик не мог уснуть.

Как и во все предыдущие дни, Фредди первым делом причесал медные кудряшки и сел на кушетку, ожидая маму, которая ласковыми, проржавевшими от стирки руками, смажет его с макушки до пяток, растянув крупницы масла так, как не умеет, наверное, никто.

⁵ Глашатай — лицо, всенародно объявляющее указы, распоряжения правительства

Сгорбленная женщина с хвостиком мышинового цвета подошла к Фредди, чмокнула в лоб и начала протирать мальчика смоченным в сольке полотенцем, а после — растирать по тельцу живительную жидкость. Она щедро помазала внутренности, нацедила из пипетки пятнадцать капель в артериальную трубку и едва коснулась маслом суставов.

— А на ноги почему так мало? Вчера же больше было, — прогундел мальчик, — пружинки с таким количеством почти не гнутся!

Фредди попробовал согнуть ноги в коленях, но, издав противный лязг, они не повиновались.

— Ауч! Больно... — Фредди скорчился, и из его глаз посыпались мелкие кристаллики-слезинки.

— Знаю, милый, знаю! Но ничего не поделаешь. С этого дня мы будем получать ещё меньше масла, чем получали ранее... — материнские руки дрожали. — Старайся меньше сгибать ножки, чтобы не изнашиваться. И, пожалуйста, не плачь, иначе бороздки слёзных каналов покроются ржавчиной, — сказала мама и провела крупицей масла по щекам сына.

— А почему уменьшили? Вы плохо работали?

— Если бы... просто так решил Верховный, — мама шумно выдохнула и опустила на корточки, — уменьшил заработанную плату на тридцать процентов всем минуткам. Но надо, так надо, действительно же, непростой год...

— А сам-то он! Сияет ярче Часовой Звезды! — выпалил Фредди и продолжил наступать, невзирая на нахмуренные брови матери: — Быть может, если он поумерит аппетиты на тридцать процентов, всем минуткам хватит! Он один! А нас-то много, почему из-за какого-то Года мы все должны страдать?! — мальчик надул матовые щёчки так, что казалось, вот-вот пойдут трещины.

— Замолчи! И не смей так говорить нигде и никогда. Иначе жизнь в колонии закончишь, а мы за вечность не расплатимся за содержание. Это дед твой надоумил? — шёпотом, но с явной угрозой в голосе произнесла мать и поднялась на ноги, закинув полотенце на плечо.

— Нет. Я сам. Не трогай дедушку. Что я не прав, что ли?

— Не прав. Так выражаются только времяпреступники. Годрикисты всякие, а мы тебя растили порядочным! — женщина сжала сыну плечо, оставив отпечаток. — Мы, Циферблатовы, всегда следовали букве закона! Заруби уже на носу, часы не идут без главной стрелки! Ты же не хочешь, чтобы время остановилось?

— Но любую деталь можно заменить, даже главную стрелку! — Фредди никак не мог угомониться. — Дедушка говорил, что Годрик был бы лучше для простого народа! И что посадили его незаконно!

— Ну, конечно, что ж ещё мог сказать твой дед. Катается, как гайка в масле, вот и дурь несёт от безделья. Его посадил сам! — она раздула ноздри и выставила указательный. — Вековержец, а значит, он — преступник. Больше я тебя к деду не отпущу. Не обсуждается, — женщина произнесла эти фразы так, словно вбила гвозди, и в голове Фредди резко захлопнулась крышка к маломальской свободе. — Лучше подумай, как убережешь себя от износа. Пока не закончишь обучение, у нас не будет хватать масла, чтобы гнулись твои колени!

— У Марка совета спрошу. Тринадцатым не привыкать к дефициту.

— Ой, бедные...

Когда речь заходила о Тринадцатых, мама всегда говорила одно и то же, прижимала ладони к щекам и удручённо качала головой.

— Ай! — обратил на себя внимание отец Фредди, что только вошёл в каморку, но уже успел приложиться головой к дверному косяку. — Доброе утро, Фредди, доброе утро, Фанни, — издав противные лязги, отец поцеловал членов семьи, после чего сменил мальчонку на кушетке для смазывания.

— Папа, ты слышал, что Верховный удумал?

— Конечно, во дворе с самого ранья об этом судачат. Что ж теперь? — он пожал плечами. — Справляться будем, лишь бы наши ребята в Совремирии ни в чём не нуждались! Время такое, нужно жертвовать. Ты ж, сынок, пойми. Мы тут в тепле, дома, а оно ж дома и стены лечат, а эти парни, о-о-о... — отец запустил руки в волосы. — Там водяные обстрелы! Там страшно, сыро и далеко от дома. От родных! Нам-то ничего, справимся, — последнее слово он отчеканил и сжал кулаки, посмотрев куда-то вдаль.

Отец Фредди, Люк Циферблатов, образованностью не отличался. Он вырос в кварталах Нижней Минутки, где обучение занимало всего три года, в отличие от мамы, Фанни Циферблатовой, в девичестве, Декадовой, что отсидела семь лет от звонка до звонка, будучи школяром Верхней. Как они сошлись — долгая и совершенно другая история, но две разноустроенных минутки сошлись здесь, в Средней, и здесь же и осели, произведя на свет маленького ходика.

— Да, пап, верно, — скрипя центральным механизмом, ответил Фредди.

Минутки знали, что недалеко от родных земель проходит черта, которая делит Времландию и Совремирию. Знали, что там идёт поступательная упреждающая кампания, иначе — война. Только слово это было нельзя произносить под страхом каторги. Ведь оно как, стоит назвать вещь своим именем, и сразу как-то горько становится, ибо «война» стоит на другом полюсе «мира» и фактически является самым большим злом. Но Времландия злом быть не могла, ведь никто из граждан себя к злу причислять не хотел, а Верховный совершал только добродетель и никак не злодеяния.

Освобождая Совремирию от тлетворной заразы, коей являлись страны-Плеяды, весь бюджет Минутки канул в трубу. Некоторые города Совремирии практически сровняли с насыпью, и её механизмы и шестерёнки едва крутились, а минуток на этой войне полегло столько, что невозможно было посчитать, даже если умеешь считать аж до трёхсот шестидесяти пяти, всё равно жертв было больше. А о секундах вообще стоит промолчать, да и кто их считает? Наверное, это и есть то «самое страшное», о чём постоянно вещали с экранов утреннего и вечернего «Времского Глашатая».

Вот только оно уже произошло.

Фредди попросился с родителями и выскользнул из дома, пока мать снова не вернулась к теме дурновлияющего деда, надеясь, что, если не продолжать, к вечеру она остынет и разрешит его навестить.

Мальчик шёл к остановке гораздо медленнее, чем обычно. Хоть расходившись, ноги и начали слегка сгибаться, Фредди не спешил, ибо все минутки знали, что повреждённый коленный сустав восстановлению не подлежит. По пути к нему присоединилась Лия, живущая по соседству и познавшая все тяготы лишений сегодняшнего дня. Её ноги, так же, как и у Фредди сегодня были не смазаны.

Ребята в былые времена шли до трамвая вприпрыжку, залиристо смеясь и болтая о всякой всячине. Но сегодня они шли молча, как-никак приходилось контролировать каждый шаг.

Дойдя до остановки, ребят ожидало новое препятствие — лестница. И кому в голову пришло делать в общественном транспорте двери не на уровне пола? «*Не забывают страдать*» — бессмертный девиз Минутки, «*А если приспособились к старым страданиям, то держите новые!*».

Как и было задумано:

*Каждый день новое
Каждый день разное
Меняется время, работаем мы!*

Глава 4. Пот Полгодов

Исправительная колония номер два находилась в окружении двух других колоний на отшибе величественного мегаполиса Часовинии, столицы необъятной Времландии. В Часовинии проживали все возможные касты, разве что секунд и минут в городе не было, да и как им очутиться так далеко от дома, если масла им хватало только чтобы периодически переворачиваться с одного бока на другой?

Во всяком случае, сильные мира сего воображали, что ныне у них именно такой распорядок дня.

За время правления Годфри более-менее значимых конкурентов у него было раз-два, да и обчёлся. В предвыборной гонке в основном участвовали какие-то клоуны вроде Годачёва да Угодюнова. Их инициативы выглядели нелепо, и из дебатов они устраивали цирковое представление, ругаясь и забрызгивая друг друга иллюзорными кислотными бомбами.

Был один, Годинцов — настоящая металлическая стружка в заднице Годфри — поднявший народный бунт, известный как Гвоздиковое шествие. Но того быстро размочили в загадочных обстоятельствах то ли на Большом Времландовском, то ли у собственного подъезда, то ли запытали в неволе. И вот явился новый оппонент...

Граждане тут же протянули ему руки, ведь он, как и предыдущий, обещал отмену кастовой системы и мир во всём мире. Наивные. Ведь стоит Времландии стать миролюбивой, как её тут же разорвут на куски зубы кровожадной Плеяды. Потому нового оппонента отправили за решётку. Безопасности ради, спокойствия для.

Заключённый Годрик Годный сидел в колонии вот уже три года. По приговору оставалось отсидеть какие-то двадцать семь лет, но полгода назад оставалось отсидеть семь. Министр юстиций Октябрь был мастером клепать новые сроки и науськивать судей-марионеток.

Почти всё время заключения бедный Годрик просидел в изоляторе, иначе говоря, в одиночной камере, куда его помещали по любому безобидному поводу. Так сказать, тюрьма внутри тюрьмы. Заправил постель не настолько перпендикулярно полу, насколько хотелось надзирателю? Пятнадцать суток одиночки! Встал с кровати на десять секунд раньше положенного? Вот на десять суток и присядешь. Забыл поблагодарить разносчика масла? Снова пятнашка! В общем, в эту минуту Годрик отбывал уже восемьдесят восьмой срок в камере два на два метра.

— Осужденный два-пять-один-два, отойдите от двери к стене, к вам посетитель, — рыкнул надзиратель, ударив калибратором о решётку.

Исхудавший Годрик в полосатой пижаме размера на три меньше положенного, что подтверждали короткие брючины и рукава, сидел на покосившейся табуретке и держал в руках книгу: «Системность окрыляет». Это произведение одобрил сам Майцев, министр культуры и образования. Впрочем, неодобренная литература в колонии отсутствовала.

Койка Годрика по гравитационным законам изолятора в шесть утра прикреплялась к стене, дабы заключённый напрочь забыл о каком-либо комфорте. И оставалась ему одна табуретка, до того неудобная, что тело постоянно скатывалось.

— Ну, здравствуй, Годрик, как сидится? — противным голосом пролепетал Полгодов, провёл руками по иссиня-чёрным, лоснящимся от бриллиантовой смазки волосам и зажмурился, пытаясь привыкнуть к сверхъяркому свету, что не гасился даже в ночи.

— Не жалуюсь. Зачем пожаловали?

Годрик позволил себе улыбнуться. Именно так — позволил, как дарящий милостыню.

— Да вот... — Полгодов в один шаг пересёк камеру. — Посмотреть, как тебя держат, всего ли хватает, поубавился ли твой гонор...

— Скажем так, не хуже, чем в одной из Секундий и уж точно не хуже, чем в Совремирии, которую вы, господин Полгодов, совместно с Годфри и вашими шестерёнками планомерно уничтожаете! — прокричал Годрик в ответ.

— Молчать! Мы возвращаем Совремирию домой! Не даём распустить руки мерзкой Плеяде и навязать ценности Антихрона. Только и умеешь, что распускать грязные сплетни, — и без того надутые щёки Полгодова раздулись десятикратно. — Ох, недаром мы тебя в колонию запрятали, ох, недаром... — сказал Полгодов и осудительно покачал головой.

— Так, значит, риторика сменилась? Вы запрятали, а не я — времяотступник?

— Ничего не меняется, Годрик. А я-то уж помочь тебе хотел, условия улучшить: механатора предоставить, ножку на табуретке заменить, литературку новую принести. Не ценишь ты мои старания, — протянул Полгодов. — Ой, не ценишь.

— Хочешь изменить мир — начни с себя, потому никакой помощи от маслокрада мне не надо. Я всё про ваши махинации знаю! Знаю, что Годфри держит чёрный рынок, где всюю торгуют жизненно необходимым анти-кором, знаю, что ты — владеешь центром научных разработок, пряча в карман латунную⁶ долю выплат учёных-часов! Знаю...

— А ну замолчи! Кому говорю! — Полгодов залепил Годрику звонкую затрещину и затрясся от гнева.

Удар был стремительным. Перстень с гербом Времландии рассёк бровь и повалил с табуретки, но Годрик лишь засмеялся.

Несмотря на исхудавшее, почти прозрачное тело, испещрённое следами ржавчины, он вёл себя так, словно был выше второго лица государства. Пускай не по статусу, но по морально-волевым точно.

— Мы закончили. Заприте его, — приказал Полгодов. — И не надейся, что сможешь увидеть родных, — бросил он, выходя из крохотной камеры.

— Ваше время кончается, Полгодов. Слышите? — прохрипел Годрик напоследок. — Шестерёнки уже крутятся вхолостую...

Дверь закрылась с заунывным скрипом, словно соперживая заключённому. А Полгодов прошествовал прямо в кабинет начальника исправительной колонии — Третиходителю Суткину. Ворвался в обитель и разразился гневной тирадой:

— Суткин, я не понимаю, вы вообще свою работу выполняете? Почему Годрик ещё не сломлен? Вам было приказано подавлять всеми доступными способами! Что вы сделали? Что?! — Полгодов кричал так, что из его ноздрей повалил сизый пар. — Твоё время шаткое, Суткин, разжалоблю и будешь драить полы вместе с прошедшими.

— Мы-мы-мы делаем всё возможное, го-господин министр! У-урезали питание до минимума, за-за любую провинность отправляем в о-одинокую, прерываем его но-но-но-ночной сон, не даём видеться с родственниками и а-адвокатом, не допускаем ме-ме-ханатора. Вы-вы-вы же сказали, делать в-всё что угодно, но без фи-физических увечий, — проямлил Суткин, втянув голову в плечи.

— Значится, можно питание урезать ещё на тридцать процентов! Можно в его камеру подселить кого-нибудь неблагополучного, насквозь проржавевшего и зловонного или свихнувшегося, чтоб орал круглыми сутками. Я, что ли, за вас всю работу делать должен? Ра-бо-тай-те! Через неделю навешу, предоставьте мне работающий! Повторяю, работающий план исправления времяотступника! Ясно?!

— Бу-будет исполнено!

— Ещё бы не было. Понижу! — Полгодов пригрозил жирным пальцем. — К слову, доложите о новоприбывших!

⁶ Латунь — сплав меди (основа) с цинком

— С по-последнего вашего по-посещения исправительная колония номер два по-пополнилась тремя н-н-новыми времяотступниками. Вот их д-д-досье, — Суткин протянул толстые папки Полгодову.

— Так, Хм... Ягодов, знаю-знаю! Восемь с половиной? Маловато будет, ну ничего, исправим, — он махнул рукой. — Ах, одни знакомые фамилии! Лети-год, ай-ай-ай, всего семёрки, какая несправедливость! Согласны?

— Так точно! Этот поболее заслужил! — ответил Суткин, порядком осмелев после недавней взбучки. — Как любит говорить Октябрь: «вечность начинается с секунд, а нагнать всегда успеется...».

— С министром юстиций спорить себе дороже, — пробормотал Полгодов, продолжая листать страницы. — Так-так... А Скоролетко кто такая?

— Тю, подзабыл что-то, в д-д-досье не сказано?

— Какого мартабря?! Разве это моя работа?! Найдите и зачитайте! — Полгодов бросил перед Суткиным красную папку.

— Так... значиц-ца, Ск-королетко... со-совершила п-п-противоп-п-правное де-деяние, за-за-заменяв ценники в ма-магазине искрящихся смазок на ди-дискредити-ти-тирующие п-правительство Времландии л-лозунги. Мера п-п-пресечения не установлена. Следующее за-за-за-заседание п-по делу Ск-королетко через п-полгода, — прочитал Суткин и залился краской.

— Вот паршивка! — Полгодов всплеснул руками. — Вы уж с ней построже! А я доложу Октябрьму, чтобы взял на карандаш и запрягал надолго!

— Будет исполнено в л-лучшем виде! — Суткин поклонился и шаркнул ногой.

— Знаю я ваш «лучший вид», — елеино протянул Полгодов, — видел уже Годрика. На сегодня закончили. Но вскоре загляну на водомёт. Не вздумайте меня расстраивать, — отрезал Полгодов и покинул кабинет.

Пот Полгодов занимал пост Премьер-министра Времландии и старательно выполнял возложенные на плечи обязательства. Непосильные для любого, но не для него. Он умел находить выход из любой ситуации, всегда подбирал правильные слова для успокоения народных масс и принимал скрупулёзно выверенные решения несмотря на то, что то и дело смыкал глаза на важных мероприятиях.

Министры посмеивались за спиной Полгодова, мол, тот скоро проспит собственную отставку. Если бы они знали, что смыкать глаза — не слабость, а способность. Способность подслушивать и даже подсматривать, ибо премьер модифицировал веки, заменив их на двустороннее стекло — глухое для внешнего мира и прозрачное для обладателя.

Полгодов искренне любил народ Времландии, пока тот безропотно толкал механизмы на благо Родины. Ему претили умники и всяческая интеллигенция, и ото всех очкариков он предпочитал держаться подальше.

Политику Годфри он одобрял, но иногда искренне недоумевал, почему Вековержец так не любит низшие касты. Полгодов ратовал за нормальное содержание секунд и минуток, без излишка, конечно, но все эти бесконечные урезания масла ему претили. В конце концов, почему бы не отнять небольшой кусок у откормленных и начитанных часов? Слишком уж они распоясались, уж и на власть начали влиять, вот сравнять бы их с минутками, и мир заиграл бы новыми красками. Родина бы заиграла!

Но Годфри к нему в этом вопросе не прислушивался и только отслонявливал часам и неделькам новые подачки. Почему-то во Времландии было так заведено: низших запугать, а остальных подкупить. Ну что ж, такова воля Вековержца и даже сам Полгодов не смел ему перечить...

Глава 5. Будильник

Время в Средней Минутии не щадило никого и ничего. Даже трамваи. Потому сошедший много лет назад с конвейера, красный и блестящий, сейчас он представлял жалкое бледно-розовое зрелище с пятнами ржавчины, будто и он заразился коррозионной сыпью. На двери сияла единственная деталь, не утратившая блеска — надпись: *«Время не ждёт опоздавших!»*.

Фредди Циферблатов и Лия Четвертинкова с трудом залезли в злополучный трамвай. Тот уже набился кислomorдыми пассажирами, равнодушно глядевшими на старания маленьких минуток. Не от недостатка сочувствия, нет, а от усталости, ведь на прошлой или позапрошлой остановке они сами взбирались на ступени, потратив латунную дозу сил. А рабочая смена ещё даже не началась.

Как говорится, утро в Средней Минутии взаимовыручки не сыщет. Разве что трамвайный гудок издаст участливый стон. Да и тот будет по расписанию.

На следующей остановке, кряхтя и пыхтя от усилий, залезли тройняшки из Тринадцатых. Им было не впервой ходить на негнущихся, но сегодня они выглядели особенно плохо. На руках и шеех выступила коррозионная сыпь, как у отца семейства. А это означало одно: им оставался месяц-другой жизни, если где-нибудь не удастся раздобыть спасительное лекарство.

Конечно, чёрный рынок не знал ограничений. Но цены росли с каждым днём. И если «вчера» требовало откладывать целую неделю, «сегодня» разевало рот уже на двухнедельный запас. И это только за одну дозу. Ни одна простая минутка таким количеством масла не располагала. К тому же семья Тринадцатых насчитывала четверых больных, а на курс лечения уходило не менее десяти доз...

Но Тринадцатые не унывали. Ввалившись в трамвай, трое из ларца натянули улыбки, обнажив чёрные от недостатка смазки зубы. Но зараза жизнелюбия не распространилась, скорее наоборот. Пассажиры ещё больше раскисли и уставились в окна, Лия отвернулась, дрожа всем телом, и только Фредди протаранил тройняшек взглядом. Он изучал каждый вздыбленный бугорок, каждый очаг, каждый идущий от него луч. Изучал и закипал от бессилия.

Братья выглядели, словно сошли с одного конвейера. Три блондина с редкими перламутровыми проволочками, вытянутыми лицами и симметричными ямками на щеках. Однако их характеры отличались разительно.

Самым ярким из мальчиков был Марс, таких обычно зовут «выскачками». Он всячески пытался привлечь внимание и из лаковки лез, чтобы его заметили. Макс прослыл любителем ввязываться в драки и перепалки вместе с лучшим другом Греггом — главным задирой класса, а также заработал известность частушками уничижительного содержания. А Марк являлся оплотом спокойствия в этой неугомонной семейке, он отличался рассудительностью и умением уходить от конфликтов. В общем, одинаковых снаружи и разношёрстных внутри сблизало одно общее качество — мастерство находить плюсы во всём и улыбаться, несмотря ни на что.

Тринадцатых знал каждый житель Средней. Ходики ценили мальчишек за их неунывающий нрав и в шутку называли «задорными фонариками». Но так сложилось, что надежду в Минутиях хоронили первой. Работяги свыклись, что у каждого источника света есть отмеренный срок, и сегодня эти улыбки просрочились.

Подъехав к остановке «Школа Времени», из розового трамвая вывалилась почти сотня ребятшек, кто постарше, кто помладше, и пошла на негнущихся ногах в сторону повидавшей виды школы.

Джек Минутик и Кира Половинкина жили в двух шагах от учебного заведения. Потому компания из пятерых друзей обрела целостность только на подступах и, обменявшись унылыми приветствиями, продолжила путь в молчании. Но это молчание несло в себе больше

смысла и единения, чем любые разговоры. Все они варились в одной кастрюле и окислялись в одной кислоте.

— Мой папа пойдёт добровольцем... — прервал молчание Марк. — Нет другого выхода. Таким образом у него хотя бы появятся шансы, а у нас будут выплаты... — его голос дрогнул, но через секунду улыбка вновь водрузилась на место. — Авось и на анти-кор хватит!

— Мой отец тоже помышляет, а сегодняшняя новость о наступлении его добила. Мы с мамой отговаривали, но он такой упрямый... — сказал Джек. — Впрочем, возможно это и к лучшему, — на миг проскочило подобие ухмылки.

— Что толку-то? Папа там уже полгода... И за всё время мы не увидели ни одной выплаты. Ни одной весточки! — воскликнула Кира. Её глаза, и без того большие, расширились, сиюсь удержать подступающие слёзы. — Ладно, пришла одна, но с того момента словно вечность пролетела! Всё бы отдала, чтобы он просто был рядом...

— Твой папа — герой, — назидательным тоном сказал Джек. — Сама знаешь, вести оттуда опасно отправлять, не дай Хронос перехватят. А что до выплат, нужно верить Вековержцу. Как он говорит: «Проявите терпение. Никого не оставят, никого не забудут!». Ты сомневаешься в его словах?

Джек бы ещё долго успокаивал подругу своеобразным способом, но его прервала доносившаяся из репродукторов заикленная фраза директора:

«Ученики Школы Времени Средней Минутки, пройдите в актовЫй зал на внеочередное собрание!».

— Что на этот раз? — пробормотал Фредди.

— Да что там может быть? Опять гимн будем петь, для поддержания патриотического духа! — буркнул Марк и шёпотом добавил: «Пока не задушит!».

— Ага, или объявят о сборе масла на нужды фронта, будто мы в нём купаемся... — добавила Лия.

— Знаете, мой дед говорил, что в Часовинии все ходят блестящие, как Часовые Звёзды! А доят на всякие нужды именно нас... — возмутился Фредди, надеясь найти отклик в центрах товарищей.

— Фредди! — Лия окинула друга строгим, почти материнским взглядом. — Хватит! Ты же знаешь, что до добра такие речи не доведут! Твой дед ведь даже в Часовинии не был, а говорит...

— Вот именно! Всё не так однозначно, — произнёс Джек и поправил очки.

Джек Минутик отталкивал внешним видом и нравом, ибо почти всегда надевал маску надменности. С ним было невозможно спорить, поскольку он неизменно считал правым себя, а такого сочетания букв, как: «я не знаю» в его лексиконе не водилось. Но за фасадом из концентрированных минусов скрывался добродушный мальчишка, передающий записки с правильными ответами к тестам как друзьям, так и недругам.

— Мне папа рассказал, — вклинился Марк, — что масло нам урезали из-за стран Плеяды, не хотят они величия Времландии. А нас так просто не сломать! — мальчик уставился на конечности, покрытые росчерками коррозии. — И сыпь эта, вот вы знаете, откуда она взялась?

— Логично же, от плохого промасливания! — сказал Фредди и пожал плечами.

— И это тоже. Но... — в глазах Марка появился странный блеск. — Раньше коррозийка не была так распространена! Проходила сама собой, не косила всех подряд! А что сейчас? Подозрительно, не находите? — он сощурился. — Я слышал, страны Плеяды на территории Совремирии установили меха-лаборатории, которые разрабатывают оружие против граждан

Времландии! А эта сыпь... — Марк провёл рукой перед глазами товарищей. — Последствие их разработок!

— Ах! — вскрикнула Лия и прикрыла рот рукой.

— Мы с мамой смотрели выпуск Глашатая про лаборатории, но я как-то не думала про коррозию... — пробормотала Кира. — А если правда?

— Слушайте, я вот верю! Недаром же Вековержец так серьёзно настроен против Плеяды! — попытожил мнение всех Джек Минутик.

И только Фредди в замешательстве покачал головой. Он отчего-то больше доверял дедушке, который называл все эти рассказы про лаборатории «сущим бредом», но спорить с друзьями ему не хотелось, Фредди и без того чувствовал себя чужим, ибо имел отличное от всех мнение.

Так, за разговорами ребята дошли до актового зала, где уже выстроились в шеренги другие ученики. Стояла непривычная тишина. Ни смеха, ни толкотни. Только зацикленный голос директора и гулкое дыхание сотен детей.

Когда раздался оглушительный звонок, в помещение вкатился, едва не задев косяк, сам Минут Минутыч — губернатор всех Минутий.

Появление Минутыча стало шоком для учеников. Он нечасто спускался до простых смертных, на самом деле, никогда не спускался. Губернатор предпочитал проводить свободное время в Часовинии, а на худой конец в Верхней Минутии. А тут стоял он. Из железа и масла. Посреди обычной общеобразовательной. Здесь, в Средней Минутии. И блестел весь, будто целиком окунулся в бочонок с маслом!

Собственно, так оно и было.

— Кхе-кхе... — покашлял Минутыч в микрофон, пытаясь опустить его на уровень роста.

Почему-то так вышло, что все верхушки Времландии были какие-то неуклюже маленькие и неуклюже пухленькие. Таким был и шарообразный губернатор Минутий с коротенькими ручками и ножками. Он вообще напоминал снеговик с двумя надстройками: лысый шарик поменьше сверху и обтянутый пиджаком шарище снизу, за которым даже ног не виднелось. Маленькие школьники-минутки возвышались как минимум на голову и были в десяток раз тоньше.

Пиджак губернатора, расшитый золотыми шестернями, трещал по швам. Казалось, ещё чуть-чуть — и пуговицы отлетят, как пробки от портяночки.

— Ученики Общеобразовательной Школы Времени Средней Минутии! — Наконец, микрофон повиновался пальцам-сарделькам Минутыча, и он начал речь до неприличия сладким, медовым голоском, от которого в ушах засвербило. — Как вам, юным патриотам, доподлинно известно, наша доблестная, негибаемая армия ведёт священную битву! Битву за освобождение Совремирии от коварных лап Плеяды!

Много лет назад над нашим мирным небом нависла угроза. Страны-Плеяды, снедаемые завистью к нашему процветанию, подговорили Совремирию сначала отделиться, а потом вероломно напасть! Они мечтали стереть с планетного лица наше Отечество, разбить наши священные часы, насадить нам веру в Антихрона! Но мы опередили подлецов и нанесли упреждающий удар. Во имя мира и добра! Во имя наших детей! Во имя Хроноса! Во имя будущего!

Он вытер платочком промасленный лоб и продолжил:

— И сейчас, когда наши героические бойцы, не щадя шестерёнок, гонят врага с исконно времландовских земель, наша святая обязанность — поддержать их! Духом! Единством! Непоколебимой верой в Победу! — голос Минутыча достиг сладостного пика. — Именно поэтому в эту знаменательную пятницу в городе Верхняя Минутия пройдёт грандиозный концерт-гот-фринг, концерт нашей несокрушимой воли! Концерт в поддержку мудрого руководства Вековержца и наших доблестных защитников! Я лично приглашаю каждого из вас стать частью этого исторического момента. Стать живым символом сплочённости фронта и тыла!

Он сделал драматичную паузу, разглядывая потухшие лица.

— Вековержец Времландии лично распорядился отметить ваш патриотический порыв! — Минутыч выпятил грудь, рискуя лопнуть. — Каждому участнику этого великого действия, каждой юной шестерёнке, вложившей энергию в общее дело, будет выдано по пять, — он театрально развёл руками, словно раздавая манну небесную, — повторяю. Пять! Литров масла на лицо. А ещё... — он сделал паузу для важности, — каждый участник получит значок «Юная шестерёнка»!

Актёрский зал наполнился рёвом аплодисментов, которые не смолкали, пока Минутыч не махнул рукой. Лия хлопала автоматически, её шестерёнки лихорадочно считали: «Пять литров! Папа с мамой смогут не экономить месяц, может, и на ремонт трубы хватит, за солькой не придётся к соседке бегать...» — её глаза горели расчётливым огнём.

Кира хлопала и улыбалась, сквозь кристаллические отложения слёз: «Пять литров! Отдать родителям или купить каплю анти-кора для Марка?».

Джек и Марк хлопали отчаянно, благодарно и орали «Ура!» громче всех.

А Фредди хлопал глазами.

Какие-либо развлечения в Средней отсутствовали: никаких вам кинотеатров, детских площадок и развлекательных центров. И только ежевечерние эфиры Глашатая скрашивали унылые будни. Властимущие быстро усекли: низшие касты вмиг забывают про лишения, стоит их добровольно принудить развлекаться, а ежели ещё как следует умастить, то цены их патриотизму не будет.

После непродолжительной паузы, отведённой на ликование, губернатор продолжил поднимать моральный дух страждущих:

— У ваших классных руководителей вы получите футболки и флаги с символикой освободителей Совремирии. В пятницу предоставленные автобусы отвезут вас от школы на мероприятие, а обещанное масло и знаки отличия вы получите по возвращении. Помните, в эти суровые времена мы должны быть едины, как шестерни в точном механизме. Наши центры должны биться в унисон с центрами защитников Родины! С такими, как вы, Времландия обязательно победит! — Минутыч зачерпнул воздуха и пробасил на выдохе: — За будущее — сейчас иль никогда!

Зал взревел. Взорвался овациями невиданной ранее силы. Все отбивали матовые ладошки, свистели в знак поддержки и выкрикивали победные лозунги. Но от патриотизма ли, заполонившего центральную запчасть, ликовали ученики?

Средний родитель минутки получал около литра масла в неделю, а им пообещали целых пять. Целых пять литров живительной жидкости...

Фредди стоял среди ревушей толпы. Его руки висели плетьюми. В ушах звенело от криков, а внутри разливались холод и пустота. Он видел блеск в глазах друзей. Блеск, жадный до масла. Видел надежду купить жизнь и отсрочить неизбежное.

«Всех можно купить, если перед этим довести до отчаяния, — пронеслось в голове мальчика, — всех. Даже меня». Он дёрнулся, поднял безвольные руки и присоединился к овациям. Шею что-то оттягивало — словно привесили незримую табличку с текстом: «Моя воля стоит пять литров». Но кто он такой, чтобы стоять больше?

Кто он такой?

Глава 6. Министр Апрельцев

Министр Апрельцев покинул конференц-зал с тяжёлым центром. Ему снова, как и в прошлые разы на протяжении всего календарного года, пришлось врать Вековержцу. Да, обстановка в Секундиях была относительно спокойной, ведь последнее урезание масла лишило секундочек всех протестных сил, а вот Минутии не радовали...

Точнее одна Минутия.

Последние данные тайной разведки говорили о накале страстей. Верхняя славилась автоматизированным механизмом, потому жители, в отличие от других Минутий, трудились, не крутя вечно движущийся механизм, а используя головные запчасти по назначению. Отчего у них оставались силы и время не только на «Времского Глашатая», но и на заребёрную прессу и ролики от покинувших Времландию граждан, что втирали риторику Плеяды, выворачивая смыслы наизнанку и удобряя головы тлетворной заразой. Благодаря этому стечению обстоятельств интеллигенция из Верхней «телегу» про меха-лаборатории не проглотила, а сколько было на неё надежд...

«Ох, недаром Пот Полгодов так не любит интеллигенцию... От начитанных одни беды...» — заключил Апрельцев и шумно выдохнул, столкнувшись глазами с поджидавшим у выхода министром Июльцевым.

— Порешали уже, с тебя галлоны, с меня избавление от головной боли, — бросил Апрельцев на ходу.

— Но делать что? Брюхам много, — Июльцев сощурил глаза.

— Люблю, знаешь ли, раздавать милостыню. Вечно свербит это странное желание помочь оборванцам, — лицо скривилось, — а рейтинги сами себя не подымут. Смекаешь?

— Хм, — министр одобрительно качнул головой. — Тонн много. Ваш мало-то. Куда? Влезть бы.

— Свяжись с Августым, хай распорядится касаясь пары грузовых поездов до Минутий.

— Он нет. Выгода?

— Намекни, что вагоны взад будут абсолютно пустые, — Апрельцев выразительно поднял брови и перешёл на шёпот: — можно вывезти недюжинное количество металлостолов. И никто об этом не узнает. Ни одна...

Мимо прошёл министр Февральцев, и Апрельцев повысил голос:

— В общем, никакой выгоды, только помощь общему делу! На чистом энтузиазме.

Февральцев хохотнул, запрокинув голову, пристально посмотрел на Апрельцева и, дождавшись гаранта в виде кивка, проплыл мимо. В здании под Часовой Звездой все всё понимали.

Апрельцев вышел из резиденции и сел в искрящийся всеми цветами радуги электрокар с титановыми дисками.

— Господин министр, куда едем? — спросил Недельнецкий — водитель и правая рука Апрельцева.

— Для начала в сливарий, а после в аэропорт. Нужно посетить Верхнюю Минутию и серьёзно пообщаться с Минутычем. Забронируй билеты на ближайшее время!

Недельнецкий вбил в навигатор адрес, и машина тронулась в назначенную сторону на автопилоте.

— Господин министр, рейсов в Минутии сегодня не ожидается, забронировать бизнес-Джет?

— Да, будь добр.

— И ещё, пока вы были на совещании, пришли неутешительные новости: ваши счета и виллу в Моментуме арестовали... — Недельнецкий нахмурился и поджал губы. — Сожалею...

Моментум считался премиальным курортом и находился на южном побережье Моментарии, одной из стран, входящих в Пляяду. Богатеи любили транжирить нажитое непосильным трудом именно там, барахтаясь в спокойных маслах Литейной солярки и грея запчасти на частных пляжах, что примыкали к изумительным виллам.

— Вот Антихроновы отродья! Но этого стоило ожидать... До жены, надеюсь, не добрались? — дрожащим голосом спросил Апрельцев.

— Нет, Господин министр, про это ничего не слышно.

— Хотя так... Благо фамилию вовремя сменила, была б Апрельцева, не смогла бы погреть запчасти, выгнали бы, Хронофаги! Ничего святого! — Апрельцев гневно сжал кулаки.

— Это точно, Господин министр! Не жалеют ни женщин, ни детей! А как они с Полгодным обошлись, с его маслиночкой... — сквозь зубы сказал Недельнецкий.

— И не говори... Дочь-то в чём виновата? Ну, налетела с кулаками на Таймлитанца, а он-то святой что ли? Честь её отца опорочил! — покраснев от злобы, ответил Апрельцев. — Представляешь, без зазрения назвал его маслокрадом!

— Кошмар! К тому же удар был превентивным⁷. Не она, так её бы! Как бы они тогда заговорили?

— Ох, Недельнецкий, ты же знаешь, Времландовцы априори виноваты... — он развёл руками. — Незыблемая логика Пляяды. Что там с Джетом?

— Всё готово, Господин министр. Мне, верно, отправиться с вами?

— Естественно! И вызови ходиков десять из сопровождения, опасно сейчас в Минутиях без охраны!

— Уже ожидают!

— Читаешь мысли? — ухмыльнувшись, спросил Апрельцев.

— Ну, недаром мы более двадцати лет бок о бок трудимся!

— И то верно!

Последующая поездка прошла в молчании. Апрельцев нервно стучал пальцами по обитому лаковой коронок салону и смотрел на пейзажи столицы. Вылизанные фасады Часовинии сменяли друг друга с бешеной скоростью, ведь дорога для представителей кабинета министров всегда была свободна, пока обычные граждане стояли в недвижимых пробках.

Пробки в мегаполисах — ситуация закономерная, но верхушки постоянно вели с ними борьбу. Министр спорта, Августый, взял на себя дополнительные обязанности — транспорт и дороги, и первым декретом отменил трамвайную и автобусную сети столицы. Ведь, собственно, зачем гражданам общественный транспорт? Он громоздкий и занимает много места на дорожном полотне. И с этим согласился весь кабмин⁸, прибавив министру общественного мнения Апрельцеву дополнительной работы по сглаживанию углов. А он не смог предложить ничего лучше, кроме как снизить налог на электрокары и удешевить топливо в мегаполисах. Граждане и правда успокоились, но с тех пор карта дорог всегда была отмечена багряно-красным.

Апрельцев слыл ходиком разносторонним. Он имел двух разнополых детей, обучающихся в Таймлитании, стране Пляяды; четыре завода, правда, записаны они были на Недельнецкого; футбольный клуб «Частота»; пятиэтажный дом в центре Часовинии; три коттеджа в области и около пяти вилл за ребором, с одной из которых ему сегодня пришлось попрощаться. В свободное от государственных дел время он любил играть в гольф, проводить время на побережье Литейной Солярки и разводить породистых железнобрюхов.

Но последний год времени на развлечения не хватало. Взбесившиеся граждане то и дело подрывали доверие властей подстрекательством к времяотступлениям. В городах постоянно

⁷ Превентивный — предупреждающий, предохранительный

⁸ Кабмин — кабинет министров

вспыхивали стихийные митинги, несмотря на старание «вежливых ходиков» с калибраторами, коих направлял министр правопорядка Январцев.

И если митингующих можно было напугать и посадить, ведь врага, так сказать, можно «посмотреть» в лицо, то у Апрельцева работа была куда сложнее. Невидимое сопротивление расклеивало порочащие честь и достоинство верхушек листовки по закоулкам больших и малых городов, подрывая общественное мнение, которое нужно было как-то удержать. Ведь от результатов опросов зависело расположение собственной головы Апрельцева — на плечах или вне...

Тем временем электрокар заехал в ангар сливария. Апрельцев и Недельнецкий разлеглись на сливных кушетках, что нагревались, выпаривая из тел масляные отложения. Пока ёмкости под кушетками наполнялись переработанным маслом, прошедшие сутки отжимали участки лаковки.

— С каждой утраченной каплей чувствую себя уязвлённое, — пожаловался министр, — словно снимаю водоупорный жилет. Сразу начинаю чувствовать каждый каналец, каждую пружинку. Это так неприятно...

— Не говорите! — воскликнул Недельнецкий. — И главное, ради кого? Ради народишка, который даже «спасибо» не вымолвит! Знали бы, на какие жертвы приходится идти высшим чинам, чтобы не дай Хронос их нежное мнение не изменилось...

— Да плевать на это мнение. Лишь бы осушивши, нас, добротню смазанных, отжимать не начали. Представляешь, какая у них грязная лаковка? Б-р-р, — Апрельцева передёрнуло.

Процедура закончилась, и министр с помощником подошли к зеркалу.

— Мы похожи на секундочек, — горько подметил Недельнецкий.

— Но хотя бы пахнем не так, — Апрельцев обнюхал схуднувшую руку. — Ладно, поехали, в полёте немного поднаберём.

Электрокар подъехал к трапу личного самолета, у подножия которого уже выстроилась упитанная охрана в синих костюмах и чёрных очках. Недельнецкий отворил дверь министру, и тот вывалился из машины, густо раскрасневшись и распыхтясь, как неисправный паровоз.

— И что? Вы предлагаете мне самому подниматься по лестнице?! — Апрельцев окинул презрительным взглядом высотную конструкцию со ступенями. — Я только неделю назад новые пружинки в колени поставил!

— Не переживайте, ступени автоматизированы! — один из охранников нажал на кнопку, и конструкция начала двигаться.

Министр облегчённо выдохнул и встал на нижнюю ступень, расстегнув пуговицу пиджака, который висел на нём, как на вешалке. Зайдя в салон и усевшись на широкое кресло перед столом, уставленным различными масляными яствами, он заговорил:

— Знаешь, Недельнецкий, а ведь эти треклятые минутки даже не знают, что маслом можно смазывать не только снаружи, но и употреблять внутрь! — Апрельцев заржал, схватившись за плоский живот.

— Хронос его побери! И как они так живут, Господин министр? — ответил Недельнецкий, закинув в рот капсулу молибденового⁹ масла.

— Так и живут. Невкусно. А ведь ещё голосят... Вот скажи мне, Недельнецкий, что бы ты сделал на моём месте?

— Весь внимание!

— Минутки в Верхней выражают неодобрение с действиями правительства. Как мне их на путь истинный наставить? — наполнив бокал бродящим маслом двадцатипятилетней выдержки, спросил Апрельцев.

⁹ Молибден (Mo) — переходный тугоплавкий металл. Серебристо-серый, по внешнему виду напоминает свинец

— Хммм... Я так понимаю, в Средней и Нижней Минутии граждане настроены положительно?

— Совершенно верно!

— Тогда... Я бы согнал патриотично настроенных граждан из других городов в Верхнюю Минутию, пообещав им какую-нибудь небольшую подачку, — он хмыкнул. — Увидев толпу, поддерживающую правительство, минутки пусть не изменят мнение, но не будут сильно носы высовывать, ведь большинство думает иначе... Мало кому, знаете ли, хочется быть в меньшинстве... Психология! — на последнем слове Недельнецкий поднял указательный палец вверх.

— Ах, вот за это я тебя и люблю, Недельнецкий! Так и сделаем! Устроим концерт-готфринг в поддержку Вековержца и армии и запустим на все федеральные каналы! Минуткам из Средней Минутии по десять литров масла дадим, а из Нижней поменьше — литров по пять. Всё верно? — уставившись в потолок Джета и почёсывая подбородок, произнёс Апрельцев.

— Я не уверен, что за такие крохи кто-нибудь согласится...

— Ох, Недельнецкий, ты слишком далёк от народа! Для них это — целое состояние! Ещё Минутыч, наверняка, латунную часть себе прикарманит, а они и тому рады будут, — министр махнул рукой.

— Что ж, нет повода сомневаться в Вашей правоте.

— А про эту, как её, психологию, ты откуда знаешь? Мне отчего-то Плеядой повеяло...

— Так и есть. Интересовался на досуге. Очевидная чушь, но, как видите, и полезное можно подчерпнуть! А вообще, психология утверждает, что каждый ходик — отдельная личность и нужно уважать чувства каждого. У них, видите ли, даже женщины и дети — личности! — сказал Недельнецкий, и собеседники залились смехом, икая и хрюкая от возбуждения.

Издав последние смеховые конвульсии, Апрельцев поднял пузатый бокал и сказал порядком охмелевшим тоном:

— Так выпьем же за успешное предприятие!

— За успешное предприятие! — повторил Недельнецкий.

Бокалы дзинькнулись, и их содержимое провалилось в бездну откормленных железных желудков.

Глава 7. Коррозийка

— Вот это, да-а, — протянул Марк, выходя из актового зала. — Пять литров масла! Нам с братьями этого хватит, чтобы вылечить отца от коррозионной сыпи, пока та не добралась до центральных запчастей! — он нашёл глазами братьев и улыбнулся им чёрнозубой улыбкой.

— Хроносова борода, — сказал Джек, покачал головой и оцепенел, словно в него вбили ось. — Я... я никогда столько не видывал. Целых пять литров... — он повторил цифру, как заклинание и ощупал карман, будто масло уже оттягивало, тёплое и живое.

Четверка друзей сбилась в кучку, отгородившись от шумящего потока учеников. Воздух между ними гудел. Напряжение смешалось с навалившейся радостью.

— А дедушка говорит, что в Часовинии масло употребляют внутрь не только когда смазывают зубы. Вот бы тоже попробовать, — произнёс Фредди и мечтательно закатил глаза, представляя невозможную роскошь — масло, льющееся внутрь.

— Ой, Фредди, вечно ты какую-то чепуху несёшь. Внутрь, скажешь тоже, это же сколько лишнего масла нужно иметь? Не бывает такого! Не верю! — парировала Лия, вздёрнув выпуклые брови.

— Марк... — Кириин голос прозвучал тихо. Её глаза, всегда казавшиеся слишком глубокими для реального мира, были полны тревоги. — А вы с братьями? На вас же... не хватит? — Она кивнула на руки Марка, где коррозионная сыпь уже рисовала зловещие узоры.

Отец Киры покинул семью полгода назад, отправившись на фронт добровольцем. Не то, чтобы он был главным патриотом Времландии, просто правительство обещало солидные выплаты. А Карл Половинкин хотел, чтобы его любимые гаечки, как он ласково называл жену и дочь, ни в чём не нуждались и, быть может, даже переехали в Верхнюю Минутию, где жизнь была много лучше и легче. Но выплат не поступало, впрочем, как и вестей. Последний раз отец писал под Новый год, а уже первого января по новостям трубили об обстреле администрации, в которой обосновался штаб. Карла Половинкина в списке погибших не оказалось, потому мать Киры и сама Кира верили в лучшее, хотя очевидно было обратное...

Несмотря на тяжёлую жизнь и, вероятно, погибшего отца, Кира остро воспринимала проблемы других и всегда спешила на помощь. Благополучие других она всегда ставила превыше собственного. Такой уж она была. Замечательной.

— У нас коррозионная сыпь только началась, ещё есть время. К тому же, на пять доз всё-таки хватит, разделим и протянем какое-то время, — так и не стерев улыбку с лица, ответил Марк.

— Я отдам вам свою выплату, — воскликнула Кира. — Только литр себе оставлю, чтобы маму порадовать.

— И я дам литра три, — присоединилась к доброму жесту Лия.

Её расчетливый ум лихорадочно пересчитывал, как теперь сэкономить на себе. Но вид коррозионной сыпи, пожирающей друга, пугал сильнее неудобств.

— И я в стороне не останусь! — присоединился Джек.

Все взгляды уперлись в Фредди. Он мялся. Чувствовал, как под лаковой вспыхивает жар. Помочь Марку? Да, любой ценой! Но идти туда? На этот фарс? Предать тихий протест, который копился годами под влиянием «справедливости» мира? Пальцы Фредди сжались в кулаки, ногти впились в ладонь.

— И я... помогу, — выдавил он наконец. Голос звучал чужим. — Мы же команда? — Он протянул руку ладонью вверх в центр круга.

На его руку гурьбой навалились другие: прохладная и потрескавшаяся — Лии; твердая, с мозолями от постоянного письма — Джека; маленькая и неожиданно сильная — Киры; и наконец — горячая, чуть липкая от нервов — Марка. Ладони сплелись, раскатались в такт шёпота: «Раз-два-три...» и взметнулись вверх с выкриком:

— Лучшие друзья! Навеки!

Последнее слово повисло в воздухе, отозвавшись эхом в пустом коридоре.

— Ребят... — Марк отвел взгляд, его голос срывался. — Спасибо... но не надо было, честное слово... Мы как-нибудь... — он не смог закончить.

Гордость Тринадцатых, их вечное «справимся», трещали по швам перед лицом напасти.

— Помнишь, мы поклялись помогать друг другу, если будет возможность? А это именно такая ситуация. — Кира коснулась руки Марка. — «Если сможем — поможем». Вот и всё.

— Вот именно. Всё равно заставим, так что не смей отказываться! Силой же впихнём! — ткнув друга в бок, сказал Джек.

— Ладно-ладно, даже не знаю, как вас отблагодарить...

— Тест по чтению дашь скатать, и дело с концом! — произнёс Фредди, зная, что Марк в их компании шарил в этом предмете лучше всех.

— Идёт! — Марк рассмеялся, и на миг коррозийка на щеке показалась просто россыпью странных родинок.

— Только... — Лия зажмурилась, шевеля губами. — Всё равно не хватит. У вас будет пять своих... плюс мои три, Кирины четыре, Джека... — девочка бросила взгляд на расставленные пальцы друга, — три, Фредди... сколько дашь? — Она вопросительно посмотрела на Фредди.

— Четыре. Себе литр, — выпалил мальчик, стараясь не думать, что значит для него этот литр.

— Итого... — Лия зажмурилась и зашевелила губами. — Пять на три... плюс три... плюс четыре... плюс три... плюс четыре... Двадцать девять. А чтобы вылечить одного... нужно десять доз, по литру каждая. У вас четверо больных... Сорок литров, Марк! — Её голос стал тонким от ужаса. — Где взять ещё... одиннадцать?!

Цифры повисли в воздухе ледяными гирями.

— Не парься, — Марк махнул рукой и пожал плечами, — наскребём как-нибудь. К тому же, может, и этого хватит.

— Непорядок! — Кира вдруг вскинула голову, её глаза загорелись решимостью. — Лия, со мной. Сейчас!

И прежде, чем кто-либо успел опомниться, девочки сорвались с места и растворились в толпе.

— Я... я к братьям, — Марк кивнул в сторону Макса и Марса, которые уже нервно переминались у стены. — Расскажу о вашей... щедрости. — слово «щедрость» прозвучало как признание в поражении.

Он быстро отвернулся и засеменял прочь, пряча лицо.

Джек и Фредди остались вдвоём.

— Ты слишком долго думал, я заметил метания — обратился Джек к Фредди, уперев руки в бока. — Хотел прикарманить? Побережь для своего блестящего центра?

— Нет, что ты... Просто идти не хотел на этот бал-маскарад. На эту... продажную пляску за масло!

— Не понимаю! Где это видано, чтобы за одно лишь присутствие давали целых пять литров? Ты как-то иначе можешь заработать, а? — спросил Джек, вскинув одну бровь вверх.

Это было его фишкой, ни у кого другого так не получалось.

— Джек, я не поддерживаю ни Вековержца, ни нашу армию! И ты об этом знаешь! Я изначально против всего этого!

— Ну, конечно. Ты-то, если что, можешь у деда помощи попросить, потому и носом воротись! Как бы ты действовал, окажись без обеспеченной родни? — скорчившись, сказал Джек. — Как бы ты выживал, окажись на месте Тринадцатых? Без своего прикрытия? Думал об этом? Хотя бы раз?! — он направился в сторону класса, так и не дождавшись ответа.

Его прямая спина говорила красноречивее любых слов: *«Ты не наш. Не простая минутка. Ты никогда не поймёшь».*

Фредди знал, стоит выразить мнение, как его тут же заключают собственные товарищи. Им было не понять, как это критиковать тех, кто кормит. И хоть родители ребят получали крупницы благодаря ежедневному тяжелейшему труду, они знали, работу будут давать ровно до тех пор, пока они не начнут роптать на действия властей и искать различные несправедливости.

Порядком погрузневший, Фредди направился в класс, где уже собрались одноклассники. Сев за парту к постоянной соседке Лие, прогремел ужасный звонок, и дети тут же схватились за железные ушки.

Когда дребезжание стихло, сэр Стрелкин постучал указкой по столу, призывая класс к порядку.

— Дети! По плану вторым уроком у нас математика, но сегодня такой день, все планы рушатся, — сказал учитель и махнул рукой. — Начать сегодняшней урок я хочу с другого... Все вы слышали Минут Минутыча — нашего губернатора. Через два дня ожидается мероприятие, за участие в котором каждый из вас получит по пять литров масла. — Он сделал паузу, давая цифре осесть. — Дело в том, что в нашем классе учатся ребята, которым необходима помощь. В их семье четыре ходика заболели коррозийкой...

Он не назвал имен. Не нужно было. Все знали. Все видели бугорчатые узоры на руках тройняшек. Класс обернулся на Тринадцатых, покрытых стыдливым багрянцем. Их беду вывалили на всеобщее, но они не привыкли просить помощи. Собственно, они и не просили. Это девочки подошли к Стрелкину перед уроком и заручились поддержкой.

— Так вот, к чему я это... — сэр Стрелкин почесал за ухом. — Болезнь эта... — учитель запнулся, его взгляд на миг уперся в собственные руки, покрытые старческими пятнами и мелкими трещинами — предвестниками того же конца. — Она не ждёт. Не даёт времени на раздумья. Если у вас есть возможность, помогите товарищам! Пожертвуйте «лёгкого масла»! Это ни в коем случае не требование, всё сугубо добровольно! Но чем больше ребят согласится помочь, тем меньше масла потребуется с каждого...

По классу пронеслись невнятные перешёптывания.

— Поднимите руки, — тихо, но четко произнес сэр Стрелкин. — Те, кто готов помочь. Хоть каплей.

Рука Киры взметнулась вверх первой — решительно. За ней — Лии. Пальцы Джека сжались в кулак, потом медленно, почти нехотя, разжались, и его рука тоже поднялась. Фредди вскинул руку резко, почти яростно, пытаясь заглушить внутренний стыд и гнев. Рука самого Стрелкина поднялась следом — тяжелая, костлявая, знающая цену и маслу, и жизни.

А потом показалось, что время остановилось. Повисла гулкая тишина. И вот — дрогнула, словно неверная стрелка, рука одного из «задир» в заднем ряду. Потом — ещё одна. И еще. Не глядя друг на друга, краснея или бледнея, стиснув зубы или сжав губы, одну за другой, медленно или резко, четвероклашки поднимали руки. Даже те, у кого дома были свои больные. Даже те, кто вчера дразнил Тринадцатых «ржавыми».

Когда движение прекратилось, сэр Стрелкин медленно обвел класс взглядом. В воздухе застыл желес из двадцати четырёх рук. Двадцать четыре молчаливых «да» били наотмашь коррозийку и отчаяние.

Только Тринадцатые сидели, низко опустив головы, их плечи слегка вздрагивали. Это был не стыд уже. Это было что-то другое. Что-то сломавшееся внутри и вдруг обретшее точку опоры.

Сэр Стрелкин кивнул, и в этом кивке заключалось больше, чем в любой речи Минутыча: горечь, гордость и страшная, недетская тяжесть их мира и тихий отсчет времени, купленного каплями масла и милоцентриа в стране, где и то, и другое было на вес золота.

Глава 8. Бронепоезд ГодфриГ

Годфри Год возненавидел небо с того дня, как осознал, что даже Вековержец всего лишь груз в брюхе стальной «крыланки». Скрипучие самолёты казались ему тесными, убогими смертельными ловушками. А статистика, аккуратно подшитая в докладах спецслужб, безжалостно сообщала: самолёты часто не долетали до цели, теряясь в небесной синеве, и часто становились объектами террористических атак.

Ирония заключалась в том, что главным архитектором воздушного кошмара был сам Годфри. Самолёты «пропадали» или «подвергались атакам» ровно тогда, когда требовалось аккуратно убрать проблемную фигуру подальше от железного плато.

Он хорошо изучил механизм работы летательных объектов — они подчинялись слову. И кто знает, не будет ли это слово использовано против самого Годфри? А безопасность Верховного стояла превыше всего.

Доклады службы сопровождения лишь подливали масла в огонь его страха. Они сообщали, что за последний год на Вековержца совершили целых три покушения. И не абы каких. В него стреляли, бросали опасные предметы и даже пытались отравить!

Первое совершили, когда Годфри последний раз посещал некую из Секундий. Пятилетняя секундочка с жидкими бледно-синими косичками, потерявшая на войне отца и лишившаяся матери, так и не излечившейся от коррозионной сыпи, плюнула в сторону кортежа Годфри водой из лужи! Представляете? Совершила целенаправленную коррозионную атаку на священную лаковку Вековержца!

Второе злодеяние потрясло ещё сильнее. В той же проклятой Секундии в электрокар Годфри бросили жестяную банку, полную сольки. Один из охранников, движимый священным ужасом, ринулся под колёса, и принял удар на свой корпус. Вековержец наградил отважного ходика орденом Синхронности третьей степени и оплатил ему лечение на Времландовском курорте Тёмной солярки.

И в последний, третий раз, покуситель подобрался ближе некуда — прямо в резиденцию Верховного, подкинув в выдержанное масло из погребов кусочки белой смерти — кусочки дроблёного льда. Понедельный принял удар на себя, ведь в его обязанности входило пробовать всё, что оказывалось на столе Годфри. В результате внутри желудка помощника появилось пятно рыжей окалины, но силами механаторов его удалось купировать, и распространения не последовало. Годфри стал ценить советника ещё больше и ещё больше начал опасаться за свою жизнь...

Именно из-за этого, ну и, естественно, из-за нелюбви к полётам, по стране Вековержец передвигался исключительно на бронированном поезде по собственной железной дороге, основу которой заложил ещё его предшественник и кумир Илетий Годлин.

При Илетии Годлине Союз Времляндий одержал историческую победу над изнаночной стороной. Победу, которую чествовали вот уже сотню лет. И плевать, что победа стоила света, и долгие годы Времландия жила впотьмах. Страну освещали центральные механизмы, что бились в унисон простояному времени. Стабильно и строго в такт.

Спустя года, после сговора с Плядой и возобновления суточных смен, Союз развалился при участии предателя времени, что занимал пост Временинителя перед Годфри. Ныне его фамилия затерялась в анналах, ведь ни к чему помнить имена времяотступников.

Годфри желал достичь величия Илетия Годлина — иметь свою историческую победу и восстановить величие Союза, поэтому на старости лет он не нашёл ничего лучше, кроме как начать маленькую победоносную войну...

Но разве ж это он решил? Его вынудили! А кто он такой, чтобы не поддаваться на провокации?

Вековержец! Ходик, способный сначала подмять взмахи судьбы, а после плыть по течению великих решений. Своих решений.

Он и плыл. Навстречу скрупулёзно отмеренному.

Пейзажи необъятной насыпи мелькали за водо- и кисло- непроницаемым стеклом бронепоезда. Покосившиеся сараи, пеньки в прошлом густого желеса, выбоины на дороге — всё это Годфри предпочитал не замечать, будто в его глазных яблоках был встроенный фильтр: видеть всё исключительно в положительном свете. Или он включал слепую зону: видел только глянцево-открытки былого величия.

Времландия была огромной страной, великой страной. Крупные города ранее привлекали туристов из разных стран. Ходики планеты Времени мечтали посетить железосталенную Часовинию и культурный Часбург, прогуляться по улочкам Часани, окунуться в воды самого большого пресномасленного массива в мире и посмотреть на кипящую сталь в железных вулканах.

Но сейчас улицы Времландии пустовали без забугорных и тем более без заребёрных туристов, и только местные ходики пополняли исхудавшую казну, выбираясь отдохнуть из неприлизанных сёл в крупные города.

Верхняя Минутия, впрочем, как и весь каскад Минутий, располагалась достаточно далеко от столицы. Путь на бронепоезде занимал целых двенадцать часов. Но Годфри любил долгие поездки: в них он настраивался на государственные размышления, где ему приходили идеи времяустройства; и в них же первому лицу государства можно было лежать всю дорогу на аллюпрядной перине, открестившись от всех забот. Чем уже одиннадцать часов кряду, прервавшись только на сливной массаж, и занимался Вековержец.

В былые времена он проводил время активнее: любил рассекать на коньках по покрытым сульфидной коркой солянкам; ловить маслобрюхих желусей, фосфорелей и аллюмяг в окрестностях необъятной; и заниматься единоборствами. Но время не щадило не только простых смертных, но и царственных особ, и с годами высосало энергию.

Вальяжное ничегонеделание прервал настойчивый стук, из-за которого Годфри пришлось подняться с перины, чем он был сильно раздосадован.

— Ваше Превосходительство! Бронепоезд «Годфри-Г» прибывает на станцию Верхмина в Верхней Минутии через полчаса, — доложил обстановку Понедельный, едва отворилась дверь. — Распорядиться о предоставлении перекуса?

— Не, — махнул рукой Годфри и прошаркал к дивану, обитому красным гадолином¹⁰. — Заходи, Понедельный, присаживайся, — бросил Годфри не обернувшись.

— Какие будут указания? — Понедельный присел на краешек кресла напротив Вековержца и открыл блокнот, с которым он, кажется, не расставался, даже принимая масляный душ.

— Что я вообще забыл в этой... Минутии? — скорчившись, спросил Годфри.

— У вас назначена встреча с Подходителем Заминкиным в воинской части, где идёт подготовка новых бойцов. Эта встреча нужна для имиджа Вашего Превосходительства. Телевизионщики запишут ролик, чтобы народ знал про вашу полную включённость в дела государственной важности!

— А без ролика народ не знает? — Годфри нахмурил брови.

— Знает-знает, конечно, знает. Но гражданам Плеяды этот ролик тоже покажут, и они смогут понять, что их власти им врут, а у Времландии лучший Вековержец!

— Ох, не думаю, Понедельный! Граждане Плеяды уже рождаются с вогнутыми шестерёнками, поэтому и добро путают со злом...

— Как верно сказано!

¹⁰ Гадолиний (Gd) — редкоземельный металл серебристо-белого цвета. Относится к лантаноидам

— Увы, но они живут в перевернутой реальности... Меняют касты как перчатки и позволяют себе межкастовые браки. Брр, — Годфри поморщился. — Сегодня они значит-ца секунды, а назавтра мнят себя месяцами. Срам-то какой! Ох, — он махнул рукой, — что о них говорить вообще? Скажи лучше, это все мои дела в этой... Минутии?

— Не совсем... Я недавно получил сообщение от Апрельцева. Они с Минут Минутычем запланировали концерт-годфринг в поддержку Вашего Превосходительства и армии, неплохо было бы поприсутствовать. Но вам решать, конечно...

— Даже не обсуждается, — Годфри воодушевился. — Обязательно поприсутствую! А звёзды будут?

— Обижаете, в Вашу честь и Минутия засверкает! — Понедельный подмигнул. — Так вот, к выступающим: как обычно, будет Маслинов...

— Это же просто отлично, ходик большого калибра! Кто ещё?

— Шестерёнкова, она как раз недавно из освобождённых насыпей вернулась...

— Вот сразу видно, настоящая патриотка! Правда, последний раз я её видел в состоянии нестояния, кажется, на выдержанное масло крепко подседа, но что ж... Это ведь не грех? — задал риторический Годфри и сам приложился к фужеру. — Давай дальше!

— Ну, из известных всё. Большая часть Времландовских артистов предателями оказалась, за ребро укатилась, но Вы и сами всё знаете. Но вот новый мальчик появился, Времлян, хорошо поёт, подаёт большие надежды! И к тому же патриот самой что ни на есть чистой пробы, Вам однозначно понравится! Ну и детские коллективы до кучи... — закончил речь Понедельный, сморщившись на последней фразе.

— Негусто, негусто... — зачерпнув ложкой икру аллюмяги, произнёс Годфри. — Ну что ж, посмотрим на твоего Времляна...

— Не моего, а народного! Все министры уже оценили!

— Звучит многообещающе, — Годфри поморщился и растопырил пальцы. — После сливария так сушит! Да и неприлично к ходикам выходить неухоженным. Ступай, и принеси баночку «Искрящегося Соблазна».

— Прошу прощения, но я бы не советовал! — покачал головой Понедельный.

— С чего это?

— Ну, понимаете, вы давеча приказали урезать в Минутиях выплаты на тридцать процентов для помощи государству... — Понедельный зажмурился и перешёл на шёпот: — И будет... как-то, извините за мою прямогу... вульгарно... — он вздрогнул. — Выходить к ходикам в искрящейся смазке, одна капля которой стоит больше, чем их месячная плата...

— Не подумал... — Вековержец почесал воображаемую бороду. — Спасибо за честность, Понедельный. Но чем мне обмаслиться, чтоб запчасти не потрескались?

— Вот! — Понедельный протянул Годфри чёрную баночку. — «Матовая скромность» — новейшая разработка! Смягчит, как прикосновение аллюпряда, но избавит от ненужного блеска!

— И правда, какая нежнятинка! — сказал Годфри, вымазывая телеса матовой полиролью. — Наверное, и одеться нужно как-то попроще, верно?

— Да, я на свой вкус подготовил костюм от Темпорачи. Он достаточно скромн, но изыска ему не занимать, — Понедельный перешёл на шёпот: — всё дело в изнанке, — и подмигнул. — Бронежилет под ним будет незаметен! Примеряете?

— Бронежилет... И как я докатился до жизни такой? Всё эти мерзкие лапы Плеяды! — стиснув зубы, проскрипел Годфри. — Неси! Только ведь тебе и доверяю, только тебе...

Одевшись в костюм с бриллиантовыми огурцами на подкладе, к Вековержцу подскочил Понедельный с косметической кистью в руках.

— Последний штрих, позволите?

— Даже не спрашивай!

— Вот так! — Понедельный прикоснулся кистью к областям под глазами Годфри. —
Будто не спите, всё о Времландии думаете!

Глава 9. Частичка системы

Свежеотполированные и окрашенные в цвета государственного флага автобусы стояли у серовато-коричневой школы с облезлой краской и кровлей из ржавого листового металла. Разновозрастные школьники стекались со всех концов Средней Минутии, чтобы занять место как можно ближе к выходу и первыми попасть к центру выдачи масла.

Воздух у автобусов гудел не только от моторов, но и от непривычного блеска. Сегодня все сияли, как новые шестеренки. Каждый из учеников общеобразовательной школы Времени оделся в лучшие штанишки и юбочки, а на груди у них красовалась символика с буквой «В». Школьники, ещё вчера матовые и с заскорузлыми коленями, нынче блистали и ходили вприпрыжку. Родители не поскупились и вымазали деточек маслом из закровов — именно тем маслом, которое никогда не использовалось, потому что предназначалось для «самого чёрного дня».

И хоть каждое «сегодня» хмурилось сильнее «вчера», «завтра» краски могли снова сгуститься, потому что масло из закровов никогда и не доставалось. Никогда. До сего дня.

Невиданная щедрость Вековержца развязала минуткам руки. Каждый из жителей Средней почувствовал себя пусть не богачом, но тем, кому дозволена капелька праздности. Пять литров! Пять литров надежды делали их не просто школьниками, а частичками той системы, которую сегодня славили.

— Эге-гей! — зывал сэр Стрелкин в автобус, завидя своих минуток.

Учитель, обычно согбенный под грузом лет и забот, сегодня стоял непривычно прямо. В его глазах светилась странная смесь ностальгии и решимости. Он даже выудил откуда-то пилотку и галстук, напоминающие о его детстве, когда школяра Симона Стрелкина посвящали в механерию Союза Времляндий. Он скучал по тому времени и клял всеми бранными словами, какие знал, бывшего Временителя и предателя времени, потому всецело поддерживал Годфри Года, решившего восстановить утраченный Союз.

— Сэр Стрелкин, а зачем вы эту шапочку надели? — спросила Лия, подойдя к автобусу.

Лия слыла девочкой любопытной и всегда пыталась добраться до сути вещей. Она была любимицей сэра Стрелкина, ведь учить любопытных детей приятнее всего. Но естественно, порядочная минутка в своём любопытстве должна знать меру и не расплыться на всё подряд. А Лия — девочка не только любопытная, но и порядочная.

— Механер — всем минуткам пример! — отдав честь, ответил сэр Стрелкин. — Знакомо тебе слово это, механерия?

— Конечно! Мои мама и папа были механерами! А после их приняли в Механизмол — Механистический союз молодёжи всея Времляндий. Они часто об этом вспоминают! — воскликнула Лия и накрутила лиловый локон на палец.

— Вот и я... вот и я часто! Золотое время было, и масла на всех хватало... — сэр Стрелкин мечтательно вздёрнул голову, загородив автобусную дверь-гармошку: «Ни дневной свет, ни безграничное небо не заменят гарантированной нормы масла» — с тоской думал учитель.

Пока он предавался воспоминаниям, к автобусу подошли ученики, включая пятёрку друзей.

— Ты чего в перчатках? — спросил Фредди у Марка.

— Родители сказали, что так будет лучше, вдруг на концерте сам Годфри будет, увидит, не дай Хронос...

— А тебе не кажется, что это как-то неправильно, скрывать от Вековержца нашу настоящую жизнь? По его указке нам теперь суждено беречь колени, — Фредди на материнский манер начал словами забивать гвозди, — именно из-за расчёта прожиточного минимума мы не можем позволить новую одежду, и из-за этого же ваша семья не может купить лекарства!

— Ты думаешь, у него забот мало? — голосом, полным яда, начал Марк. — Ты думаешь, нашим родителям платят так мало, пока он в «Искрящемся Соблазне» купается? Думаешь, он хорошо спит и промасливается? Да ты включи телевизор! Он даже одеваться стал, как обычный ходик — как минутка или даже... секундочка. Неяркие цвета, никакого блеска, а синяки у него под глазами какие? — Марк показал кулак. — Не спит, о нас думает! Беречь такого ходика надо! Беречь! — на последней фразе Марк погрозил обтянутым чёрной перчаткой пальцем.

— Точно говоришь, — поддержал Марка Джек. — Как раз представители Плеяды сверкают, как звёзды на новогодней медянке, а наши себе такого не позволяют!

— Фредди, конечно, импульсивен, — присоединилась к беседе Кира. — но я думаю, он в чём-то прав. Анти-кор — средство первой необходимости, и должен быть доступен каждому. Мне отчего-то кажется, что Вековержец даже не знает, что лекарство до нас не доходит! Как-то ведь донести надо...

— Да-да, не знает... как же... Он чёрный рынок и курирует! — воскликнул Фредди.

— Начинается... — пробормотал Джек и протиснулся через сутолоку школьников к автобусной двери. — Извините! — обратился Джек к учителю.

— А? Да-да, конечно, замечтался старик, простите, — сэр Стрелкин отошёл от двери и призвал остальных: — Ребята! Проходим в автобус! Не задерживаемся!

Класс скученной толпой рванул через узкие двери, толкаясь и пихаясь друг с дружкой.

Четверка друзей, потеряв Джека, впихнулась в автобус. Девочки заняли место за учителем, а парни двинулись дальше, в поисках свободных мест.

— Марк, двигай сюда! — крикнул с пятого ряда Джек.

И Фредди остался один, в забитом автобусе, где оставалось только одно незанятое место — около вонючки Тима.

Тим был неплохим парнем. Он хорошо учился, на каждом уроке тянул руку и писал лучшие сочинения. Но его матушка разбавляла масло какими-то зловонными провинками, чтобы покрыть большую поверхность тела, потому рядом с ним никогда никто не сидел. Даже парта в классе, и та, у Тима была отдельная и стояла поодаль от других.

Фредди ничего не оставалось. Стоя ехать небезопасно, да и сэр Стрелкин бы не позволил, поэтому он присел на краешек сидения, практически свесившись в проход, но до железных ноздрей всё равно донеслись нотки чего-то кислого.

— Прости за это... — голос Тима прозвучал тихо, сдавленно.

Он еще сильнее вжался в стенку автобуса, будто хотел провалиться сквозь нее.

— Ничего, скоро привыкну, — ответил Фредди, стараясь не использовать дыхательные жернова по назначению.

Тип помолчал, нервно теребя край куртейки. Потом полез в карман, зашелестел и выудил кулёк с железными палками.

— Мама передала мне стручки железянки, будешь?

— Я... я никогда не пробовал. А что с этим делать надо? — Фредди вытянул одну палочку и внимательно осмотрел со всех сторон.

— Открываешь стручок — вот так, — Тим ловко щелкнул ногтем по шву на одной из палочек, обнажив ряд мелких, тускло-серых шариков внутри, — засовываешь шары в рот и жуёшь, пока вкус не исчезнет. Потом выплёвываешь. Я их жвачкой прозвал, — он сунул несколько шариков в рот и принялся сосредоточенно жевать, — достаточно сносно. Мама говорит, для зубов полезно!

Фредди с опаской поднёс железянку ко рту. Судя по запаху, доверять матушке Тима нельзя, но так хотелось попробовать, ведь Фредди знать не знал каков вкус на вкус. До сего момента его языка касалось только обыкновенное масло, которым смазывали зубы один раз в полгода, и эти дни всегда расценивались как праздничные, ведь ничего в жизни не сравнится с ощущением масла на языке...

Казалось бы, ничего не сравнится, но засунув плоды железнянки в рот, Фредди одобрительно замычал.

— Это... ммм... Приятно! — прервался Фредди и вновь накинудся на железную палочку.

— Да, моя мама знает толк в собирательстве, ещё бы нашла как от этого запаха избавиться...

— А это вообще возможно? — не вынимая железнянку изо рта, промямлил Фредди.

— Ну... — протянул Тим. — Сейчас я, можно сказать, практически не пахну! Знал бы ты, как от меня несло, когда я не ходил в школу! Так что, думаю да...

— А про зубы, правда?

— Сам посмотри! — и Тим растянул губы, обнажив белоснежные ряды зубов.

Ранее в Средней Минутии, Фредди ни у кого не встречал белых зубов. У него самого зубы были рыжими, у Тринадцатых вовсе — чёрными, да даже у благополучного деда и у того, челюсть отливала желтизной. А так как Тим старался не отсвечивать, сливаясь с социальной ролью, его улыбка никогда выходила на свет.

— Слушай, а твоя мама, наверное, и от коррозии народное средство знает?

— Обижает! Настой фосфорели с корнем жуба и листьями сталинки вылечит от любой формы. Только вот, никто не соглашается на себе испробовать...

— Почему? — Фредди нахмурился. — У вас же и доказательства есть. Одни твои зубы чего стоят!

За болтовнёй Фредди совсем перестал замечать зловонное амбре.

— Ты что, не знаешь, что ли?

— Чего не знаю?

— Мой отец... ну, в общем... — Тим перешёл на шёпот. — Сидит. На девять лет в колонию запрятали. — мальчик отвернулся и начал выводить каракули на запотевшем стекле. — А ходики, знаешь же, какие ходики у нас, стороной теперь наш дом обходят, работу маме не дают, вот и приходится как-то... На социальном-то масле не протянуть.

— Прости, а за что его, ну это...

— Посадили? Мама говорит: «там Хронофаг ногу сломит», не объясняет толком, но я слышал, что его времяотступником кличут, знать, политический...

— А ты... поддерживаешь? — Фредди произнёс это одними губами.

— Ты про Вековержца? — сказал Тим чуть громче положенного.

— И про войну...

— Нет. Эта война — война одного ходика. Эта война Годфри, и он ответит за все преступления! — Тим наконец повернулся к Фредди, сверкнул взглядом и сжал кулаки.

По телу Фредди прошли металлизированные мураши. Он не встречал поддержки ни от кого, кроме дедушки, к которому родители больше не пускали. Остальные знакомые: семья, друзья, одноклассники, учителя, соседи, все как один вторили про неотвратимую победу и кричали в один голос, что правда — за ними. Он не ожидал встретить поддержку от парня, которого всегда сторонился.

Но именно сейчас, сидя в этом автобусе вдали от друзей, Фредди почувствовал — он не один.

Глава 10. Десять кубов

Визит в воинскую часть вытянул из Годфри последние капли масла — не физического, а душевного. Каждая минута, проведённая там, оборачивалась бесконечностью. Тысячу и тысячу раз ему пришлось растягивать губы в отеческой улыбке для этих минутных оборванцев в рваной, выданной не по размеру форме. Тысячу и тысячу раз пришлось делать заинтересованный, внимательный вид, кивая на патриотичные речи командиров, которые звучали как заезженная пластинка пропаганды. А самое мучительное — тысячу и тысячу раз подавлять врожденную брезгливость, пожимая их ржавые, шершавые от нехватки смазки руки, чувствуя под пальцами холод металла и едва скрываемую дрожь. От них пахло прогорклым маслом и страхом.

И всё это — ради поддержания боевого духа. Ведь всего через неделю (хотя обещали два месяца подготовки, но кто же в этом мире считался с обещаниями, данными минутам?) этих матовых, едва обученных мальчишек бросят на передовую. Где в мокрых окопах Современии, под водяными обстрелами и в вечном страхе, каждая секунда жалкого существования сможет стать последней. Годфри старался об этом не думать. Мысли о конкретных смертях были слишком... неудобны.

Он мыслил правильно: категориями «потерь», «резервов» и «необходимости».

После неформального обхода пришло время снимать репортаж, что Годфри любил всем центром, ведь здесь можно было показать себя во всей красе.

Съёмки велись для телеканала: «Первый Хронический» — главного телеканала, что смотрели граждане Времландии уходя на работу и возвращаясь с неё, и единственного, который ловил во всех Минутях, круглосуточно крутя одну и ту же программу: «Времской Глашатай», с неизменным ведущим Скоровьёвым, любимцем престарелых ходиков женского пола и гордостью мужичков слегка за пятьдесят.

Экскурсоводами на этом празднике жизни выступали двое персон: Подходитель Заминкин, с лицом, будто в него впечатали кирпич и эмоциональной сферой не больше игольного ушка и небезызвестный Минут Минутыч. Говорил в основном второй, обращая внимание Вековержца на мельчайшие положительные стороны вверенной территории.

Новый заборчик у склада? *«Смотрите, Ваше Превосходительство, какая прочная ограда! На века!»*. Свежевыкрашенная (только с фасада) казарма? *«Обратите внимание на заботу о быте бойцов!»*. Он мастерски скользил взглядом и словами мимо обшарпанных стен, проржавевших труб, голодных глаз солдат, уводя Годфри (и зрителей) от всех зияющих «дыр» реальности.

Впрочем, Годфри не сопротивлялся потоку лакированной лжи, что-то, а «дыры» его никогда не волновали, даже если такими «дырами» обрастало всё вокруг.

— Ваше Превосходительство! Посмотрите, пожалуйста, на наши новёхонькие системы залпового гейзера, — вздёрнув подбородок, произнёс Минут Минутыч. — Подходитель Заминкин, расскажите про него подробнее!

— Система залпового гейзера «СЗГод-Ф» способна поразить до ста целей. Батарея из ста труб выпускает мощные потоки разъедающей смеси воды и слабоконцентрированной кислоты на врага. Дальность этого орудия — до шестидесяти километров, — отчеканил Заминкин.

— Замечательно! — ответил Годфри, совершенно не понимая, хорошо это или плохо. — А почему бы эту кислоту сильно не сконцентрировать?

— После второй оборотной войны утвердили нормы, мы следуем протоколу!

— Плеяда ему не больно-то следует. А «сильно» — всегда лучше, чем «слабо», уж поверьте моему опыту!

— Нет и не может быть повода сомневаться в глубине вашей стратегической мысли! — вклинился Минутыч. — Однако, для первого тестирования в боевых условиях, возможно, разумно начать со «средней» концентрации? Так сказать, апробировать систему? — губернатор вопросительно посмотрел на Заминкина. Тот едва заметно кивнул.

— Что ж, «средне» — всяко лучше, чем «слабо», да и Часовиния не сразу строилась! Даю добро, — сказал Годфри и хмыкнул.

— Ваше Превосходительство! Предлагаю Вам примерить современную воинскую форму, — сказал Минут Минутыч на камеру и прибавил, шепнув Годфри на ухо: «Специально для вас: аллюпрядный подклад и алмазная вышивка!».

— Что ж, посмотрим, каково это, стоять на защите Родины! — принял предложение Вековержец и, взяв форму, удалился в вагончик «Первого Хронического».

— Выключите камеры! — рявкнул Заминкин и свистнул.

Камеры мгновенно потухли. Операторы расслабились. И в этот момент из ближайшего, выдавшего вида барака, вывалилась толпа. Оборванная, в разношерстной, грязной форме, висящей мешками на исхудавших телах. А на ноги смотреть было ещё страшнее: стоптанные, разваливающиеся берцы, отчаянно скрипящие и просящие капли масла иль клея на худой конец, дабы скрепить расползающиеся подошвы. Будущий металлолом перебежал двор, и скрылся в другом, не менее обшарпанном бараке.

— Можно включать! — скомандовал Заминкин, едва из поля зрения исчез последний боец.

Камеры снова зажужжали. Дверь вагончика открылась, и на пороге предстал Годфри Год. Он сиял. Буквально. Новая форма, идеально скроенная по его округлым формам, ловила блики Светила. Сапоги сверкали, как бриллиантка на Часовой площади. А алмазная вышивка на воротнике и манжетах переливалась всеми цветами радуги.

— А что, удобно! Добротная ткань, приятно телу! И бронезилет толстенный, ни одна водяная струя не пробьёт! — произнёс Годфри, повертевшись на камеру. — Товарищ Подходитель, скажите честно, каждому бойцу выдаётся именно такой, качественный комплект?

Заминкин вытянулся в струнку:

— Так точно, Ваше Превосходительство! Стандарт един для всех защитников Отечества! Хотя, — он добавил с намеком на заботу: — для особо суровых условий предусмотрен ещё и утеплённый вариант!

— Что ж, — Годфри кивнул с одобрением, — в таком добротном обмундировании не страшно и самую сильную бурю встретить! Родина может спать спокойно!

— Пройдёмте уже на стрельбище, — пригласил всех Минутыч и добавил, снова шепнув в ухо Годфри: «У всех бойцов в руках муляжи, звук стрельбы доносится из репродукторов!»

Когда делегация добралась до стрельбища, на котором всюю шла тренировка добротного одетых бойцов, губернатор с гордым видом вручил Вековержцу водомат и прошептал: «Муляж! Стрелять будет заслуженный мастер спорта по водяной стрельбе!» и спросил, уже на камеру:

— Ваше Превосходительство, стрелять будете из положения лёжа или стоя?

— Попробую и так, и так! Ох, давненько я не стрелял, а раньше-то, на охоте... крыла-нок подстреливал, а они же вот такусенькие, — Годфри обернулся на камеру, повесил водомат на плечо и слегка расставил ладони, наглядно показывая их маленький размер. — Впрочем, навык не вымажешь, начнём лёжа, — устроившись поудобнее и прицелившись, донеслась серия выстрелов. — А теперь, стоя! — Поднявшись, Годфри повторил выстрелы.

— Bravo, ваше Превосходительство! Bravo! Я ещё не видел мишени, но, кажется, вы стреляли прямо в масличко! — пролепетал Минут Минутыч.

— Так чего же мы ждём? Пройдёмте к мишени! — воодушевившись, выкрикнул Годфри.

Всё было именно так, как и сказал Минутыч. Центральная часть железной мишени была покрыта ржавыми разводами.

— Вот это да! Да вы не просто первое лицо Времландии, но и отличный стрелок! Я бы так не смог, — проямлил Минутыч, накрыв рукой центральный механизм.

— Разорви меня времлядь, даже я так бы не смог! — отчеканил Заминкин и протянул Годфри руку.

— Расхвалили прям, — Годфри пожал Заминкину руку, — Но это ж пустяки. То ли дело наши бойцы в Совремирии! Вот кому дифирамбы петь надо. Нашим защитникам, нашим героям, — он последний раз улыбнулся в объектив, и репортаж завершился.

Маска мгновенно сползла с лица Вековержца, сменившись усталой гримасой.

— Ваше Превосходительство, — подсуетился Заминкин, чуть только выключились камеры. — Нашей части бы немно-ожко ма-аслица, не подсобите?

— Десять кубов выпишу, — Годфри махнул рукой, — а теперь оставьте меня! — и понёсся на всех порах к электрокару, силясь как можно быстрее унести из этого неказистого места.

— Во сколько концерт? — плюхнувшись на сидение, Годфри обратился к помощнику.

— В шесть часов, Ваше Превосходительство!

— А сейчас который час?

— Без четверти два!

— И чем мне заняться целых... — Годфри нахмурил брови, пытаясь посчитать сложную циферную комбинацию.

— Четыре часа пятнадцать минут, — шепнул Понедельный.

— Четыре часа!

— Ваше Превосходительство, вы давно не были в Верхней Минутии! Можете нагрнуть с неожиданной проверкой в новую школу, на которую два года назад из казны было выделено шесть миллиардов врумбиков! Или же, прогуляйтесь по порту, по отчётам Минутыча он больше и лучше, чем в самом Часбурге! Можно ещё заглянуть в музей Великой Победы, возложить цветы на могилу неизвестной минутки или...

Монолог Понедельного прервал шумный выдох Годфри.

— Ты не видишь, что я вымотан? — налившись краской, проорал Вековержец.

— Но... вы же... сами...

— С усами! Вызови мне этого, как его там... ну, нового этого артиста, ты говорил...

— Времляна?

— Его. Хоть оценю...

— А куда вызвать, Ваше Превосходительство?

— Куда-куда... Единственное приличное место в Минутиях — вилла Минутыча. Там всё... и порт... и школа... и коррозионный госпиталь...

Годфри Год не был глупцом. Он знал, в чей карман уходит финансирование социальных объектов. Он знал, что обещанные сегодня десять кубов не пойдут на заплатки на многочисленных дырах воинской части, а отправятся на свежий ремонт Подходителя Заминкина и дорогостоящий подарок его ненаглядной. Но Годфри это устраивало.

Главное ведь, что? Чтобы народ был доволен, а ему достаточно пыли в глаза и несбыточных обещаний, чего во Времландии было предостаточно. А вот с верными подданными дела обстояли сложнее. Они легко продавали Родину, но и за Родину продавались также легко.

А Годфри знал цену каждому, и каждого тоже.

Глава 11. Вымотанные минуты

Автобус приблизился к Верхоярской сольке, через которую перекинулся покосившийся мост, испещрённый прорезами и пробоинами, и водитель остановился, заглушив двигатель.

— Прошу всех на выход! Надобно облегчить транспорт! — прокричал сильный голос, и маленькие минутки спешно покинули автобус.

— Видите знак? — сэр Стрелкин обратился к обступившим его детям и указал на кружок, с перечёркнутым ходиком. — Он означает, что пассажиры должны пересекать этот мост своими ногами, иначе конструкция не выдержит! Так что, за мной! Давайте нашу, запе-вай!

И четвероклашки запели хором, пересекая короткий, но так необходимый Минутиям мост:

*«Мы — минутки шагаем на благо страны,
Подгоняет нас нравственный ветер
Несём своё знамя: «Кто, если не мы?»
Хоть каждый из нас незаметен.*

*Но вместе с другими — мы сила страны
Надежда, движение, Вера!
Быть по одному — значит быть не в цене
Но вместе мы двигаем Время!»*

Перейдя мост, все снова залезли в автобус, заметно повеселев. Только Тиму с Фредди отчего-то было невесело. Мальчики сидели в молчании, каждый погружённый в свои мысли, пока по автобусу продолжала нестись надоевшая до оскомины песнь. Как только последнюю строчку композиции пропели трижды, сэр Стрелкин вновь заговорил:

— Ребята! Мы прибываем в Верхнюю Минутию! Посмотрите направо — это аэропорт, единственный аэропорт во всех Минутях, — сказав это, учитель зажмурился от удовольствия.

Школьники сгрудились, облепив правую сторону автобуса. Практически никто из них никогда не ступал на насыпь Верхней Минутии, никогда не видел аэропорта и самолётов, и уж точно, никогда не летал.

Пожалуй, самым «путешествующим» из одноклассников был Фредди. В былые времена его часто забирал к себе дедушка, с которым они гуляли до жестяных натопышей по ухоженным улочкам Верхней.

— Смотрите, смотрите, он в воздухе! — крикнул один из Тринадцатых, и толпа отлипла от правой стороны и привалилась к левой.

— Во махинаааа... — замороженно протянул Джек, расширив глаза так, что казалось, белки того и гляди вывалятся из орбит.

— Хм, а если хорошо присмотреться, то это один в один увеличенная копия крыланки, правда, сэр Стрелкин? — обратилась Лия Четвертинкова к учителю.

— Всё верно. Именно маленькие крыланки послужили прообразом самолёта. А первый в мире самолёт сконструировал наш, Союзный учёный Самочасов! Великий ходик! — дал справку сэр Стрелкин, подняв указательный палец вверх.

Он обращался ко всему классу, но слушали только Лия и Кира.

Вообще, все изобретения планеты Времени в первую очередь неизменно разрабатывали учёные Времландии во всех её исторических периодах. И не важно, что в остальных краях и

на других оборотах изобретения приписывались другим авторам. У них же с рождения изгибались головные шестерёнки, выворачивая мышление наизнанку, вот и городили околёсицу!

— Смотрите! Смотрите! Сюда! — прокричал Грег Железнов.

За окном пронеслась небольшая пристань, с одиноким пришвартованным корабликом.

— Ребятки, это — новёхонький порт! Его построили всего два года назад, и теперь из Минутии можно добраться по солькам и нефтянкам до самого Часбурга, — сказал сэр Стрелкин, растянув губы в широкой улыбке.

Класс ответил учителю гудением от невиданного восторга. Конечно, никто из одноклассников Фредди не обладал достаточным количеством средств, чтобы купить билет на кораблик или самолёт. Но само по себе знание о том, что это возможно щекотало головные шестерни, заставляя ощутить гордость за территорию, на которой было суждено уродиться.

Проехав аэропорт, порт и Верхне-Минутную часовню — главную и единственную архитектурную доминанту города, автобус остановился на заставленной парковке Верховозрелищной площади.

— До встречи, — сказал Тим соседу с тоской в голосе, зная, что эта тёплая автобусная беседа не лишила его статуса отщепенца.

Фредди вежливо кивнул и вывалился из автобуса, присоединившись к неизменной четверке.

— Чуете? М-м-м, — Джек закатил глаза и начал подгонять воздух ладонями к носу. — Тут даже воздух благополучнее пахнет!

— Точно! — зажмурившись и шумно вдохнув носом, подтвердил Марк. — Чувствую нотки чего-то свежего...

— Да что вы в самом деле, — вклинился в разговор Фредди, — это же автобусы надымили! Мы ведь на парковке стоим! — он рассмеялся.

— Да много ты понимаешь? Нанюхался уже, поди, воздухом Верхней, вот и приелся. А мы тут впервые! — по-доброму, но с какой-то обидой в голосе ответила Кира.

— Четвёртый класс! Давайте все ко мне! — крикнул что есть мочи учитель, пытаясь достучаться до каждого железного ушка.

Сэра Стрелкина облепили со всех сторон маленькие минутки.

— Концерт-готфринг пройдёт в шесть вечера, а до тех пор будем репетировать на площади. Приедет сам Вековержец! — учитель сделал драматическую паузу и по толпе пронёсся дружный вдох, выражающий то ли страх, то ли благоговение. — Вы выучили программу мероприятия?

— Дааааа! — крикнули четвероклашки.

Кричали все как один так громко, что никто не заметил двух молчунов, что стояли друг против друга и гвоздили друг друга взглядами.

— Что-то я вас не услышал... — сэр Стрелкин наклонился и оттопырил ухо.

— Дааааааааа! — проорали ребята ещё громче.

— *Слава Времландии...* — начал сэр Стрелкин.

— *Гордости нашей, что с каждым днём становится краше!* — хором отчеканили ученики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.